

18+

ГРИЦИАН АНДРЕЕВ

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ
СО ВКУСОМ
БЕНЗИНА

БИЗАРРО•ХОРРОР•ФАНТАСТИКА

Грициан Андреев

**Галлюцинации со вкусом бензина.
Бизарро, хоррор, фантастика**

«Издательские решения»

Андреев Г.

Галлюцинации со вкусом бензина. Бизарро, хоррор, фантастика /
Г. Андреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-686755-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Галлюцинации со вкусом бензина» — дерзкое погружение в абсурд, где реальность тает среди сюрреалистичных образов: чаепитие становится фестивалем хаоса, фастфуд воюет с овощами, а бесконечно танцующие ноги — символ подчинения безумию. Гротеск, сатира и юмор превращают каждый рассказ в лабиринт идей для тех, кто не боится потерять ориентиры. Вам, кто видит искусство в хаосе, я предлагаю этот темный гимн — нечестный, но бесконечно искренний. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-686755-0

© Андреев Г.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
БЕНЗИН ВМЕСТО МОЛОКА	8
БЕЛАЯ ГАРМОНИЯ	13
ЧЕРВИВЫЙ	18
ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАПИТАНА САЛЯМИ	38
УТРЕННЕЕ ЧАЕПИТИЕ	52
ПЕТЛЯ МОРРИГАН	55
ВМЕСТЕ... НАВСЕГДА...	61
МЯСОРУБКА ТЕЛ И ДУШ	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Галлюцинации со вкусом бензина Бizarро, хоррор, фантастика

Грициан Андреев

© Грициан Андреев, 2025

ISBN 978-5-0068-6755-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Добро пожаловать в мир «Галлюцинаций со вкусом бензина» – сборник, где реальность бьётся, как зеркало, превращаясь в осколки из фантазии, страхов и гротеска. Этот сборник появился из стремления испытать пределы обыденного, перевернуть его с ног на голову и показать его, словно в зазеркалье, с неузнаваемой стороны.

Каждый рассказ – это эксперимент. В них нет привычных героев и привычного мира, здесь простые вещи приобретают иной смысл, а обыденность становится площадкой для невообразимых событий. Взгляните на продуктовый бой на пляже, на человека, чьи конечности против его воли движутся в постоянном танце, или на те предметы, которые, казалось бы, не должны иметь голоса, но вдруг обретают его.

Мне нравится играть с тем, что вызывает у нас чувство безопасности, и превращать это в кошмар, который всколыхнёт разум и чувства. И хотя многое в этих рассказах выглядит нелепым, они могут найти отклик в глубине ваших страхов или неожиданных фантазий. Иногда абсурдная сцена может сказать больше о человеческой природе, чем прямолинейный реализм.

Меня всегда привлекала идея увидеть в привычных вещах что-то иное, скрытое под поверхностью. Иногда это всего лишь тень за углом, иногда – зловещая улыбка вашего отражения в зеркале, иногда – тихий голос, зовущий из пустоты. За каждым рассказом скрывается что-то большее, чем просто слова. Это попытка исследовать то, что мы обычно не замечаем, или то, о чём предпочитаем не думать.

В мире этих историй нет чёткой границы между хорошим и плохим. И это – часть замысла, потому что для меня важна не столько форма ужаса, сколько его многослойность, его способность резонировать с тем, что мы часто не можем выразить словами.

Мне всегда хотелось, чтобы мои тексты бросали вызов воображению читателя. Когда вы окунётесь в эти страницы, позвольте себе стать частью мира, где можно потеряться, где страх и юмор, реальность и иллюзия переплетаются в одно целое. Здесь нет готовых выводов и однозначных трактовок. Я лишь предлагаю вам войти в лабиринт, а уже как вы найдёте выход, зависит только от вас.

Желаю вам странствий, глубоких и тёмных, которые обогатят вас новыми образами и переживаниями. Пусть эти рассказы пробуждают ваше воображение и заставляют сердце биться быстрее, ведь только через столкновение с непознанным мы открываем нечто новое в себе.

*Вам, кто видит искусство в хаосе, я предлагаю этот темный гимн –
нечестный, но бесконечно искренний.*

Грициан Андреев

БЕНЗИН ВМЕСТО МОЛОКА

– Знаешь ли ты, что колибри не умеют ходить? – пробормотал Вольтрикс кофемашине. Стекланный кофейник задрожал, загудев, словно дизельный двигатель на грани заклинивания. – Их лапки слишком крохотны. Они просто... парят... вечно... – он усмехнулся. – Представляешь, жить без земли под ногами? Без шанса споткнуться, упасть... или остановиться. Просто висеть, пока не сгоришь от усталости.

Он рассмеялся тихо, будто проверяя, звучит ли ещё его голос, и пошёл в ванную. Радужные потёки покрывали раковину. Вместо воды кран истекал густым бензином, собираясь в вязкие лужицы с запахом тряпки автомеханика. Вольтрикс потёр липкое предплечье. Каждый отпечаток пальца оставлял жирный, переливчатый мазок, жалящий, как растворитель. Он избегал смотреть на своё отражение в запотевшей плитке. Даже само движение век теперь казалось опасным.

Снаружи город двигался с мучительной точностью. Пешеходы скользили, как лунатики, по тротуарам, покрытым плёнкой топлива, каждый шаг рассчитан, чтобы минимизировать трение. Брошенные автомобили застыли на перекрёстках, их капоты распахнуты, словно рты утопленников, тщетно ищущих сухой воздух. Повисший в вышине, над лабиринтом черепичных гребней, голубь неуклюже осел на пожарную лестницу, изрыгая из клюва икающие всполохи сине-оранжевого пламени, словно хриплый демон, подавившийся собственной яростью. Старушка присела у скамейки, капая янтарную жидкость в помятое блюдце.

– Пейте, миленькие, – ворковала она бродячим воробьям. – Нам всем нужна искра.

Лоб Вольтрикса покрылся испариной. Он застыл, дыхание замерло в груди, а пот выступил сначала прозрачным, потом превратился в масляные капли, которые скатывались к бровям. *Не моргай*, – приказал он себе. Мимо прокатился подросток на скейте, колёса его взвизгнули по асфальту, но искр не высекли – лишь тонкий, зловещий шлейф радужного дыма. Вольтрикс дёрнулся, точно ужаленный, а парень лишь осклабил в ухмылке, обнажив зубы цвета лежалой арматуры:

– Бесфрикционные подшипники, чувак. Спокойно.

Двери супермаркета разъехались с гидравлическим вздохом. Внутри флуоресцентные лампы мерцали, как неисправные свечи зажигания, отбрасывая длинные тени на опустевшие проходы. Полки зияли пустотой, словно пасти голодных зверей, а на прилавке, в ленивом безразличии, дремали несколько помятых банок с надписью «МОЛОКО», истекающие тёмными струями на пол.

Воздух пропитался выхлопами; горло Вольтрикса жгло при каждом неглубоком вдохе. У касс кассирша сгорбилась над прилавком. Её глаза – два застывших озера расплавленного янтаря, где зрачки тонули, как искры в смоле, а ресницы обрастали коркой хрупкого осадка, будто инеем из окаменевших слёз. Она не плакала, просто уставилась в пустоту. Рядом покупатель выронил банку из-под солёных огурцов. Стекло разбилось. Звук отозвался, как выстрел.

Вольтрикс крался к молочному отделу. Его ботинки прилипали к линолеуму с каждым шагом, отрываясь с влажным *чпоком*. Где-то закричал ребёнок, тонко, с надрывом, будто из динамика сторевавшей радиостанции. Мать лихорадочно шикала на него, прижимая к его лицу тряпку, пропитанную бензином.

Не плачь, – подумал Вольтрикс, его собственные глаза зашипало. Он моргнул. Единственная капля вырвалась, прочертив жгучий след по щеке, прежде чем испариться в воздухе с тихим *шипением*. Голова кассирши дёрнулась в его сторону. Её глаза зажглись ярче.

Он потянулся к вздутой банке с надписью «СВЕЖЕЕ ЦЕЛЬНОЕ – 95 ОКТАНОВЫЙ», как раз когда мужчина в комбинезоне механика отшатнулся назад. Металл загремел. Гайковёрт выскользнул из его маслянистой ладони, ударившись о пол фонтаном искр. Время сжа-

лось. Вольтрикс увидел, как вспыхнуло пламя: сперва синее мерцание в рассоле от огурцов, потом голодный язык, лизнувший бензиновую реку, змеящуюся к стопке бумажных полотенец. Пламя взметнулось бесшумно, пожирая кислород раньше, чем звук успел родиться. Жар хлестнул по лицу Вольтрикса, словно железный кулак, пропитанный гарью резины. Удар, от которого кожа вспухла иридирующими пузырями, а в ноздрях заklubился привкус расплавленного пластика.

Приглушённый визг малыша прорвался сквозь тряпку, как выстрел из огнемёта. Огонь поглотил мать с ребёнком в столпе жирного света. Вольтрикс отпрянул, сердце колотилось в рёбрах, словно кулак по запертой пробке бензобака. Воспоминания нахлынули без спроса. Воскресные завтраки, рука матери, наливающая белое молоко в миску с хлопьями. То стекло теперь расколосось в его воображении, взорвавшись адским пламенем, которое ревело: *ТЫ ОТМЫЛ РУКИ ОТ МОЕЙ ЛЮБВИ*. Стены супермаркета заколыхались, краска вздулась жидким огнём, капая и поджигая другие разливы. Полки прогнулись.

Вольтрикс нырнул за опрокинутый морозильник. Расплавленный пластик зашипел у локтя. Сквозь дым он увидел, как кассирша поднялась. Янтарная жидкость теперь свободно текла из её глаз, прочерчивая щёки, словно гоночные полосы. Она разинула рот. Из него вырвался хриплый, булькающий звук. Она выдохнула струю синего пламени, лизнувшую потолочные плитки.

– Это благодать, – прохрипела она, голос трещал, как двигатель с пропуском зажигания. – Мы теперь святые.

Её униформа вспыхнула, превратившись в огненный саван.

Механик, уронивший гайковёрт, корчился на полу, покрытый горящим рассолом. Его крики отдавались металлическим привкусом в иссушенном горле Вольтрикса. Пламя не пожирало плоть, оно переписывало её. Там, где рука мужчины касалась линолеума, огонь сгущался в мерцающие видения: первый поцелуй в припаркованной машине, бензиново-душистые сирени в вазе, жжение разлитого уайт-спирита на порезе. Каждое воспоминание разгоралось ярче, прежде чем угаснуть в клубе едкого дыма.

Супермаркет обратился в собор пылающих реминисценций. Вольтрикс прижал ладони к ушам, но шёпот огня всё равно проникал в его слух: *ВОДА БЫЛА СЛАБОСТЬЮ. ВСЁ ДОЛЖНО СГОРЕТЬ ДОЧИСТО*.

Дым обвивал его, как мокрые полотенца. Ползти за опрокинутым морозильником приносило лишь мимолётное облегчение, воздух густел и накалялся, пропитываясь едким жаром. Пластиковые стеллажи капали расплавленной жижей, шипя при падении в лужи. По проходу пульсировал огненный саван кассирши; она заговорила снова, обугленные губы шевелились под языками пламени.

– Горло бога пересохло, – затрещала она, жидкость сочилась из глаз маслом, разгоняющимся в венах. – Он требует больше горючего!

Её пылающая рука указала на выход. Его загоразивал искорёженный металл; рухнувшая витрина бушевала, как погребальный костёр. Дыхание Вольтрикса хрипело, грозя вспыхнуть. Потливое топливо скопилось в ямке ключицы.

Слева огонь пожирал механика. Корчи мужчины замедлились, пока пламя лепило его кожу в мерцающие сцены: предложение руки на заправке, медовый месяц под всполохами нефтеперерабатывающего завода, больничные лампы в ночь, когда дочь утонула в дождевой воде, обращённой в напалм. Каждое изображение пылало ярче предыдущего, прежде чем испариться в горький пар. Вольтрикс ощутил вкус меди и раскаяния.

Сосредоточься, – подумал он, скрипнув зубами. Щелкнула искра. Он вздрогнул, прикусив язык. Горячая, вязкая кровь, с привкусом моторной смазки, заполнила рот.

Горящая коробка с хлопьями прокатилась мимо, изрыгая обугленные колечки, поджигающие тропинки, как фитили. Выход забило искорёженными стеллажами, раскалёнными

добела. Лишь дверь в подсобку приоткрылась, её пластиковая занавеска расплавилась в каплющие сталактиты. Вольтрикс пополз, локти волочились по многоцветным липким лужам. Смех забулькал в горле: резкий, гортанный, как стук неисправного двигателя.

Стой, – приказал он. Губы треснули в ухмылке. Потливое топливо просочилось в трещины, поджигая их.

Позади проповедь кассирши взвилась бензиново-опьяняющим визгом.

– **МЫ – СВЯЩЕННАЯ ТОЧКА ВСПЫШКИ!**

Её пылающая фигура раздулась. Механик рассыпался пеплом, эфемерным, как осенний прах, его последнее пламенное изваяние застыло в хрупкой кристаллической броне, где воспоминания мерцали, словно угасающие искры в забытой лампе. Жар извивался, шепча у барабанных перепонок Вольтрикса: *СОЖГИ СВОЁ ВОДЯНОЕ СЕРДЦЕ.*

Вольтрикс дополз до подсобки, оставляя за собой кровавый мазок на полу, усеянном осколками. Колени рвали кожу, о битое стекло. Каждый вдох отзывался агонией, обжигая лёгкие едким паром, что клубился внутри, готовый вот-вот вспыхнуть. Сквозь расплавленную плёнку занавески, свисавшую тяжёлыми, деформированными лентами, он различил спасение: ряды стальных канистр, тускло блестящих в полумраке, с выцветшей надписью «ОТБЕЛИВАТЕЛЬ».

Его накрыло его волной, сладкой и липкой.

– Негорючее, – прошептал он, и слово это вырвалось изо рта пузырьком, который лопнул, распространяя аромат свежескошенной травы, смешанной с запахом горячего асфальта. – Это... спасение. Или рецепт для ангелов с пропеллером вместо крыльев.

Он протянул дрожащую руку. Первая канистра поддалась с вздохом, похожим на стон уставшего компрессора: крышка откинулась, и внутри плескалась не белая жижа, а нечто иное: прозрачное, искрящееся, с привкусом «Доместоса».

– Отбеливатель, – убедил он себя, – чистый, как совесть после мойки под высоким давлением.

Глоток первый был как поцелуй: обжёг язык радугой, раскатился по горлу вихрем, где каждый атом воздуха превращался в миниатюрный реактивный двигатель. Вольтрикс закашлялся, но кашель этот родил не боль, а видения: стайки воробьёв, танцующих на проводах, старушка, кормящая голубей не крошками, а каплями дизельного топлива, и кассирша, чьи глаза сияли мириадами галактик, где звёзды взрываются фейерверками из конфетти и гаечных ключей.

Второй глоток ударил, как молот по наковальне его черепа: мир закружился в абсурдном карнавале, где супермаркет обратился в цирк, полки в трапеции для акробатов из пламени, а мать с ребёнком не горели, а исполняли номер с огненными шариками, которые лопались, выпуская стайки крошечных механических птиц, чирикающих формулы идеального сгорания.

– Благодать, – хихикнул он, и смех этот вырвался из ноздрей струями дыма, формируя в воздухе силуэты: его собственная мать, наливающая не молоко, а бензин в чашку с хлопьями.

– Ты всегда был моим маленьким двигателем, сынок, тебе нужно почаще заправляться, – шептала она.

Пламя теперь не пожирало, оно строило: из обугленных полок выростали лестницы в никуда, ведущие к потолку, где лампы превратились в хоры ангелов с пропеллерами, поющих гимны Великому Карбюратору, чья одна из десяти заповедей гласила: *«Не сливай с чужого бака, но делись искрой с ближним».*

Вольтрикс лизнул губы, они горели, но не от жара, а от восторга. Он потянулся за третьим глотком, потому что отбеливатель, этот верный обманщик, шептал:

– Ещё глоток, и ты полетишь, словно колибри – вечный двигатель, чьи крылышки трепещут в ритме ржавых вальсов, паря над бездной, где эфирный ветер бормочет формулы вечного

горения, а облака, пропитанные эфиром, целуют твой клюв, нашептывая: «Взлетай, или сгори в фейерверке из конфетных гаек и лунных гаечных ключей».

Третий глоток был апофеозом: реальность треснула, как лобовое стекло под градом из сахарных кубиков, и Вольтрикс увидел правду... Или пародию на неё. Подсобка расширилась в бесконечный ангар, где канистры маршировали под гимны сгоревших планет, а пол устилался ковром из перьев, пропитанных маслом, и каждый шаг отзывался хором: *Заправься! Заправься! Или взорвись от пустоты!*

Он пил, и мир пил с ним. Кассирша теперь была его отражением в луже, механик с гайковёртом превратился в клоуна с лицом из шестерёнок, а малыш, этот крошечный пророк, размахивал ручками, выпуская из ладошек фейерверки в форме вопросительных знаков. Мир расцветал: стены супермаркета поросли лианами из резиновых шлангов, плоды которых лопались, извергая конфетти из ржавчины, а воздух наполнился ароматом: жжёные покрышки, смешанные с запахом моющих средств и костров городских свалок, приправленных шафраном из топливных фильтров.

– Мы – точка вспышки! – провозгласил он, эхом повторяя слоган кассирши, и его голос рассыпался на осколки, каждый из которых упал на пол и зазвенел, как монетка в пустом баке. – Бензин Святых: Взлетай без крыльев, сгорай без пепла – бензин вместо крови, рай вместо бензина! Молоко вместо бензина!

Но затем насупила тишина. Мир сжался, словно свернувшись в клубок, и Вольтрикс рухнул, не на горящий линолеум, а на холодный, маслянистый бетон гаража, где лампы мигали не флуоресцентно, а тускло, как глаза уставшего от смены мастера. Глаза его закатились под лоб, а на губах застыла безумная улыбка – та, что рождается от поцелуя с безумием. Тонкая струйка бензина стекала по подбородку, оставляя радужный след на его лице.

– Знаешь, Вольтрикс, в своей жизни я повидал немало странных вещей, но то, что ты глотнул из канистры бензина и запил отбеливателем, определённо относится к их числу, – усмехнулся главный механик Каджу, и его смех эхом разнесся по заляпанному маслом гаражу, где инструменты шептались в углах, а воздух пах не апокалипсисом, а просто – работой, которая никогда не кончается.

БЕЛАЯ ГАРМОНИЯ

Пальцы Николая беспокойно теребили вытертую до нитей шерсть пальто – старая детская привычка. Он вёл счёт глубоким бороздам на покрытом инеем стекле вагона: одиннадцать резких, словно вырванных из металла шрамов – несомненно, след приклада винтовки охранника. За окном – белая безбрежность, поглотившая всё. Деревья стояли словно костяные часовые, ветви их гнулись под тяжестью свежего снега. Ни птиц. Ни движения. Лишь неумолчный стук колёс по мёрзлым рельсам.

Внутри товарного вагона воздух был густым от отчаяния. Сорок три человека теснились на щелястых скамьях, вдыхая кислый дух. Старый математик Иван тихо качался, потрескавшиеся губы беззвучно шептали уравнения. Рядом Юрий кашлял в кулак – влажный, хриплый звук, отдававшийся слишком громко. Вчера они потеряли Макара. *Лихорадка*, сказал кто-то. На рассвете охранники выволокли его, сапоги его скрипели по льду, точно мел по доске. Ни церемоний. Ни остановок.

Поезд резко дёрнулся на повороте, железо завизжало о рельсы. Николай прижался лбом к стеклу. Мимо мелькнула станция: гнилые брёвна, засыпанные снегом перроны, выцветший герб серп-и-молот, висящий на одном ржавом винте. *Верхоянск*, гласила надпись. Он знал наизусть все сибирские разъезды по контрабандным картам. Этого не было ни на одной. Тишина снаружи была абсолютной; даже ветер не шевелил порошу, укрывшую мёртвые семафоры.

В вагоне Иван перестал качаться. Мутные глаза его уставились на заднюю дверь.

– Чувствуешь запах? – прошептал он. Николай осторожно втянул воздух: смола сосны, угольный дым... и под этим – сладковатый смрад тухлого мяса. Охранники осели у перегородки, так и не разжав окоченевших пальцев, в которых винтовки застыли, точно вросшие в плоть. Инеем покрылись ресницы. Юрий скорчился, задыхаясь от спазмов.

– Они мертвы уже давно, – пробормотал Иван. – А поезд всё идёт.

Следующая станция возникла из метели, точно призрачный корабль. *Оймакон*, гласила надпись, буквы наполовину съеденные ржавчиной. Перроны утонули под ледяными дюнами выше человеческого роста. Замёрзший телеграфный провод хлестал по столбу – *хлоп-хлоп-хлоп* – словно ломающиеся хрупкие кости. Николай прижал ладонь к стеклу. Дыхание не заповтевало. Стекло было холоднее могилы. Сквозь паутину трещин он разглядел неподвижные фигуры на скамьях, меховые шапки намертво вмёрзшие в головы. Целые посёлки, сохранённые в безмолвии.

В вагоне смрад усилился. Сладкая гниль смешалась с озоном и железом – запахом молнии, готовой ударить в мёртвую землю. Иван вцепился в руку Николая; тонкая, будто пергаментная кожа старика примерзла к грубой шерсти рукава.

– Ими управляют, – прохрипел он, кивая на замёрзших охранников. Один труп всё ещё сжимал рычаг тормоза, костяшки пальцев выглядели как синий мрамор под инеем. Кашель Юрия стих. Он свернулся у двери, глаза широко раскрыты, стеклянны, как речной лёд, в котором ничего не отражается. Снег просачивался в щели, собираясь вокруг его сапог.

Поезд нырнул в выемку между обсидиановыми скалами. Тени поглотили вагон целиком. Лишь мерный, неумолимый стук колёс по стыкам рельсов свидетельствовал, что поезд всё ещё движется сквозь безмолвие. Кончики пальцев Николая обвели уравнения Ивана, выцарапанные на досках: $\delta^2\psi/\delta x^2 + \delta^2\psi/\delta y^2 = 0$. Уравнение Лапласа – гармония, равновесие. Он усмехнулся – сухо, хрипло – и замер. Тени не двигались. Они липли, точно масло. За скалами мир обрывался в белую пустоту. Ни деревьев. Ни неба. Лишь отсутствие, поглотившее рельсы впереди.

Юрий не шевелился уже несколько часов. Снег полз по его ногам, словно плесень. Николай толкнул его сапог. Никакого ответа. Замёрзший воздух щипал язык металлической горечью, точно он лизнул ржавый гвоздь, вбитый в самую вечную мерзлоту. Он пополз к задней двери; руки и ноги одеревенели, будто выточены из сибирского мёрзлого дуба, холод проник глубже костного мозга, в самую суть бытия. Трупы охранников стали статуями, винтовки вмёрзли в руки. Под меховым воротником одного Николай увидел кожу, треснувшую, словно фарфор, а под ней – не кости и жилы, а плотный снег, искрящийся кварцевыми прожилками. Его вырвало; желчь обожгла горло.

Поезд взвыл на очередном повороте и нырнул во тьму глубже ущелья. Кромешная чернота поглотила их. Дыхание Николая сбилось. Дыхание спёрло. Это уже не стук колёс. Это было жевание. Медленное. Влажное. Умышленное. Над головой что-то тяжёлое заскользило по крыше, сдирая иней. Ледяная пыль посыпалась, как разбитое стекло. Иван всхлипнул, вцепившись в рукав.

– Они пустые, – выдохнул старик. – Охранники. Пустые внутри. Как куклы, набитые снегом.

Николай прижался ухом к ледяной стене. Под жеваньем слышались шёпоты. Не по-русски. Не по-человечьи. Слоги, похожие на треск льда под ногами, отдавались со всех сторон. Снаружи пустота посветлела до трупно-серого. Скалы расступились, словно занавес перед безумной сценой, открыв немыслимую равнину: плоскую, безбрежную, усыпанную острыми, как бритвы, кристаллами инея, что сверкали холодным, безжалостным светом. Ни горизонта. Ни солнца. Рельсы впереди блестели, словно только что откованные, слегка дымясь там, где касались вечной мерзлоты. *Невозможно*, подумал Николай. *Сибирская мерзлота должна была разорвать их на части.*

Сверху скрежет усилился. Длинные борозды прорезали иней на крыше. Снег сыпался на дрожащие плечи Ивана. Старый математик сжимал уравнение Лапласа, точно чётки.

– Оно решает гармонию, – лихорадочно шептал он. – Но здесь... энтропия пожирает всё.

Николай оглядел трупы. На их застывших мундирах не было знаков различия. Лицо одного охранника треснуло, как яичная скорлупа, открыв лёд вместо мозга. Кварцевые жилы внутри слабо пульсировали голубым.

Поезд замедлился. Не тормозами, а словно увязая в густой грязи. Снаружи равнина простиралась до треснувшего белого неба. Рельсы шипели, касаясь дымящейся мерзлоты. Впереди возникла станция – платформа, вырезанная целиком из ледника. *Билибино*, гласила надпись, буквы светились внутренним фосфором. Замёрзшие фигуры жались на скамьях, кожа прозрачная, органы – тёмные тени, подвешенные во льду. Их шеи повернулись к поезду одновременно. Безмолвно. В ожидании.

Николай отполз назад, сапоги скользили по обледенелым доскам. Иван вцепился в его рукав, глаза метались к крыше.

– Зубы энтропии, – прохрипел он.

Жеванье усилилось – медленное, скрежещущее, точно каменные челюсти дробят кости. Иней сыпался градом, когда что-то огромное процарапывало борозды в крыше вагона. Николай почувствовал вкус меди на языке. Озон. Тухлое мясо. Челюсть замёрзшего охранника скрипнула, выронив ледяные осколки. Из горла его выползли ледяные пауки, лапки тонкие, как иглы, тела искрились пойманным звёздным светом. Они метнулись к снежному кокону Юрия.

Поезд остановился у ледяной платформы Билибино с шипением. Ни пара. Ни тормозов. Лишь внезапная тишина, громче пустоты. Снаружи прозрачные фигуры повернули головы, как одна, суставы завизжали. Пустые глаза вперились в товарный вагон. Дыхание Николая замерзло перед губами. Двери станции заскрипели на ледяных петлях. Арктический ветер ворвался внутрь, неся шёпот, который не был ветром: *холод... глубина... вечность*. Иван заскулил, цара-

пая уравнения на собственной ладони обломанными ногтями. Кровь замерзала, не успев выступить.

Николай отшвырнул ледяных пауков, ползущих к трупу Юрия. Их звёздные тела разбивались о сапог, точно стекло. Грудь одного охранника треснула, открыв кварцевые жилы, пульсирующие быстрее – голубой свет бился в такт шёпота. Скрежет над головой стих. Тишина. Затем глухой удар потряс крышу, снег обрушился на их склонённые головы. Железо над ними застонало, прогибаясь вниз кулачными вмятинами. Николай почувствовал вкус меди на языке – страх или сам воздух выедал металл из зубов.

Снаружи ледяные скамьи опустели. Прозрачные фигуры поднялись неестественно быстро, лес замёрзших конечностей закрипел к остановившемуся поезду. Их шаги не оставляли следов на алмазно-твёрдом инее. Один прижался ладонью к двери вагона. Кожа отстала, точно рисовая бумага, прилипнув к металлу. Под ней кружился тёмный лёд – миниатюрная метель в пустых запястьях. Николай отшатнулся назад, и рёбра его с хрустом ударились о костлявую грудь Ивана. Старик размазал кровавое уравнение Лапласа по рукаву Николая: $\delta^2\psi/\delta x^2 + \delta^2\psi/\delta y^2 = 0$. Чернила и кровь мгновенно вмёрзли в багровые иероглифы.

Дверь со скрипом отворилась. Ни одного живого охранника не осталось. Кварцевые пауки хлынули изо рта ближайшего трупа к свету. *Колыма*. Надпись висела криво над платформами, вырезанными из синего ледника, кириллица сочилась инеем, точно кровоточащие язвы. 1932. Лёгкие Николая сжались. Он знал эту дату, как пулевую рану. Год, когда исчез отец. Снежинки хлестали боком, раня щеки острыми краями. За платформой цепочка арестантов тянулась к этому самому вагону. Бритые головы склонены против ветра, цепи звенели похоронным звоном.

Он вывалился на обледенелую платформу, сапоги разъезжались. Холод пронзил пальто насквозь – острее любой сибирской стужи, глубже самой вечной мерзлоты, глубже, чем само время. Арестанты надвигались. Лохмотья, истрепанные ветром. Глаза – провалы, в которых давно погасла последняя искра. И тогда Николай увидел его. Мальчишку лет шестнадцати, плечи согнуты под тяжестью холщового мешка. Его собственное лицо – худее, перепуганное, без морщин десятилетий страха и мороза. Мальчик поднял взгляд, встретившись с Николаем через режущую вьюгу. Вспыхнуло узнавание – не родственное, а ошеломлённое, звериное.

Как ты носишь моё лицо? – кричал этот взгляд. Николай попытался крикнуть предупреждение, разбить этот ледяной кошмар. Горло сжалось. Воздух кристаллизовался, образуя острые ледяные иглы, царапающие трахею. Лишь хрип вырвался – облачко пара, мгновенно замёрзшее и рассыпавшееся на льду под сапогами.

Цепочка приблизилась к разинутой пасти вагона. Юный Николай вздрогнул, когда охранник ткнул его прикладом, покрытым старой кровью. Те самые борозды, что Николай считал внутри, целую вечность назад. Мальчик ступил на истёртый порог. Николай рванулся, пальцы коснулись истрепанного края рукава. Тот ощущался хрупкой бумагой, рассыпающейся в ледяную пыль при прикосновении. Он увидел, как младшая версия себя отпрянула, исчезла во мраке вагона. Тяжёлая дверь захлопнулась. Окончательность, отдавшаяся в вечности тяжёлым стуком гробовой крышки. Внутри, знал Николай, Иван царапает уравнения на доске, Юрий кашляет, Макар ещё жив. Колесо повернулось. Круг замкнулся. Снова. Всегда. Он – вечный пассажир, запертый на рельсах, отполированных бесчисленными повторениями.

Станция Колыма растаяла. Ледяная платформа истекла белым туманом. Николай остался один, поезд исчез. Тишина ревела громче колёс. Остался лишь ветер – вой, вырезающий лица в метели: охранники с кварцевыми глазами, арестанты со ртами, набитыми снегом. Он снова ощущал вкус железа и озона. Свой собственный замёрзший крик всё ещё застрял в горле. Он обернулся. За спиной – двойные рельсы, неестественно яркие на фоне пустоты, исчезающие в тумане. Впереди – лишь одна линия, сверкающая, как лезвие. Он побрёл вперёд. Каждый шаг раскалывал замёрзшую кожу реальности. Алмазный иней трескался под сапогами, открывая

проблески внизу: беззвёздные бездны, ледники, перемальвающие континенты в пыль, города, замёрзшие на полураспаде. Он видел статую Ленина, поглощённую ледяным потоком, купола Москвы, срезанные алмазными ветрами. Время здесь не было линейным. Оно было вьюгой – мгновения сталкивались, стирались.

Безумие – не крик. Это тишина, что затаилась между криками, где даже эхо замерзает насмерть. Николай схватился за голову. Уравнение Лапласа, размазанное его собственной замёрзшей кровью на рукаве, холодило кожу. *Гармония*. Слово насмехалось над ним. Лицо отца – юное, перепуганное – пронеслось по ветру. Призрачные борозды приклада. Бесконечные станции. Он попытался вспомнить Ленинград до ареста: запах берёзового дыма, тяжесть руки Кати в его ладони. Память рассыпалась трухой, заменённая сладковатым смрадом пустых охранников и вечным кашлем Юрия. Он вонзил ногти в ладони. Боль казалась далёкой, заёмной. Быть может, он тоже пуст. Он прижался ухом к призрачному рельсу. Теперь не жеванье. *Шёпот*. Его собственный голос, наложенный бесчисленное количество раз, умоляющий: *Есть ли кто живой?*

Иней под ногами раскололся. Глубоко, словно ледниковые трещины разверзлись. Сквозь разломы открылся ад. Не огненный. Ледяной. Города, застывшие на пороге апокалипсиса: московский ГУМ, навек пленённый синей ледяной волной, где лица покупателей застыли в последнем, безмолвном изумлении; Красная площадь – ледяное поле, усеянное осколками танков и знамён, навсегда вмёрзших в безвременье. Николай увидел там Катю, вмёрзшую у кремлёвской стены, рот раскрыт в безмолвном крике, глаза обвиняющие. Холод больше не был внешним. Он просочился в костный мозг, кристаллизуя мысль. Он попытался заплакать. Ледяные слёзы исцарапали щёки до крови.

Он брел по лезвию рельса. Шёпоты усилились – слои его собственного голоса накладывались. *Макаааар... Юриийий... Отееец...* Каждый слог отражался от треснувшей равнины внизу, отскакивая от ледяных шпилей, торчащих, как сломанные рёбра, к трупно-серому небу. В трещинах шевелились фигуры: прозрачные, роющие могилы обмороженными руками, пальцы отламывались, как сосульки. Николай зажал уши. Шёпоты не были звуком. Это был холод. Острый, как иглы, вонзающийся в череп.

Он закричал.

Пустота проглотила крик без остатка, не оставив даже эха, чтобы оно замерло в ледяной бездне.

ЧЕРВИВЫЙ

1

Космический корабль «Аргус» парил в бездонной пустоте пояса Койпера, его массивный корпус отливал тусклым серебром под слабым светом далёкой звезды класса G. Построенный на орбитальных верфях Марса, «Аргус» был чудом инженерии: сто пятьдесят метров в длину, с обтекаемыми линиями, напоминающими древние морские суда, но покрытыми бронёй из титано-керамического сплава. Его поверхность пестрела следами микрометеоритов – крошечными шрамами, которые рассказывали о годах странствий в глубоком космосе. Внутри корабль гудел тихой жизнью: системы жизнеобеспечения жужжали, перерабатывая воздух с лёгким запахом озона, а светодиодные панели заливали коридоры холодным, стерильным светом. Сердце «Аргуса», термоядерный реактор, пульсировало в недрах, питая его бесконечное путешествие. Экипаж из восьми человек, собранный из лучших умов Земли, готовился к высадке на астероид XN-47 – невзрачный кусок углеродного хондрита, затерянный среди миллиардов других, но с аномалией, которая заставила учёных на Земле затаить дыхание. Спектры зонда показали следы органических соединений, не похожих ни на что известное, и странные структуры в главном кратере, которые могли быть чем угодно – от геологических артефактов до руин неведомой цивилизации.

Корабль был разделён на отсеки, каждый со своей функцией: командный мостик с панорамными экранами, лаборатория с голографическими анализаторами, жилые каюты, тесные, как монашеские кельи, и столовая, где экипаж собирался, чтобы перекинуться парой слов и забыть о холодной пустоте за бортом. Вентиляционные шахты, пронизывающие корабль, тихо гудели, разнося воздух, а стены, покрытые шумопоглощающим полимером, гасили эхо шагов. «Аргус» был домом, крепостью и тюрьмой одновременно – изолированным миром, где малейшая ошибка могла стать последней.

Сара Миллс, геолог из Бостона, сидела в лаборатории, склонившись над голографическим экраном. Её тёмные волосы были небрежно собраны в хвост, а пальцы нервно теребили край рукава – привычка, выдававшая напряжение. На экране мерцали данные с астероида XN-47: графики спектрометра, показывающие углеродные соединения с примесями, которые не укладывались в стандартные химические модели. Сара нахмурилась, увеличивая изображение: структура в кратере астероида напоминала не то руины, не то окаменевший организм.

– Сара, ты опять копаешься в своих графиках, как археолог в песке, – раздался голос с порога.

Она обернулась. Игорь Волков, бортиженер из Новосибирска, стоял, прислонившись к косяку, с кружкой синтетического кофе в руке. Его широкое лицо с грубыми чертами смягчала привычная ухмылка, а русский акцент делал речь тягучей, почти уютной.

– А ты опять пьёшь эту гадость, – ответила Сара, кивнув на кружку. – Серьёзно, Игорь, как ты это глотаешь? На вкус как смазка для двигателя.

– В Сибири и похуже пили, – он пожал плечами и шагнул к её столу. – Что там у тебя? Нашла инопланетный клад?

Сара ткнула пальцем в экран.

– Спектрометр показывает органику, но... она странная. Аминокислоты, смешанные с чем-то, чего мы не знаем. Я хочу взять пробы из кратера. Там структура, которая выглядит... неестественно.

Игорь присвистнул, потирая щетину.

– Ручками лезть в инопланетную грязь? Смело, американка. Только не забудь надеть перчатки.

Сара закатила глаза, но улыбнулась. Игорь умел разрядить обстановку своей прямоотой, и это было единственным, что удерживало её от погружения в собственные мысли.

В командном отсеке капитан Рейнхардт «Рейн» Кляйн, немец с лицом, словно вырезанным из камня, проверял траекторию посадки. Его голубые глаза, холодные и цепкие, скользили по данным на панели управления. Рейн был ветераном трёх глубоких миссий, и его педантичность вызывала у экипажа смесь уважения и раздражения. Он нажал кнопку интеркома, и его голос, сухой и властный, разнёсся по кораблю.

– Экипаж, сбор в столовой через десять минут. Готовимся к высадке. Без опозданий.

В своей каюте Ли Мин, биолог из Шанхая, оторвался от микроскопа. Он изучал образец земной плесени, сравнивая его с данными Сары. Ли был худощав, с тонкими пальцами и фанатичным блеском в глазах, когда речь заходила о ксенобиологии. Он поправил очки и пробормотал:

– Если это правда... это перепишет учебники.

В столовой уже собрались остальные. Макс Тейлор, техник из Лондона, лениво жевал протеиновый батончик, развалившись на стуле. Его чёрный юмор и сарказм делали его душой компании, но его привычка увиливать от работы бесила Рейна. Напротив сидела Анастасия Коваленко, медик из Москвы, с тёмными волосами, убранными в тугий пучок. Она хмурясь листала планшет с медицинскими картами.

– Макс, ты опять пропустил медосмотр, – бросила она, не поднимая глаз.

– Настя, я здоров как бык, – усмехнулся Макс, лениво откинувшись на спинку стула. – А ты смотришь на меня так, словно уже примерила мне саван.

– Не искушай, – ответила она с лёгкой улыбкой, но её голос был острым, как её скальпель.

Последними вошли Айша Хан, навигатор из Лахора, и Хуан Перес, специалист по дронам из Мехико. Айша Хан, чей голос лился мягко, словно строки Хафиза, которые она любила цитировать, была полной противоположностью Хуану Пересу, чья неуёмная энергия, казалось, искрила, переполняя тесное пространство столовой. Он уже размахивал руками, воодушевлённо расписывая свой новый дрон, который «заснимет этот астероид так, что Академия кинематографических искусств и наук вручит ему Оскар за лучшую операторскую работу».

– Хватит трепаться, – оборвал их Рейн, входя в столовую. Его шаги были тяжёлыми, как будто он нёс на плечах весь корабль. – Высадка через шесть часов. Сара, что у нас по астероиду?

Сара встала, отложив планшет.

– XN-47 – углеродный хондрит, но с аномалиями. Органические соединения, возможно, биогенные. В кратере структура, которая выглядит как... руины. Я хочу взять образцы вручную.

– Руины? – Макс хмыкнул, подбрасывая батончик. – Что, инопланетный Стоунхендж?

– Не смешно, – отрезала Сара. – Это может быть первым доказательством внеземной жизни.

Ли Мин подался вперёд, его глаза загорелись.

– Если это биология, я должен быть в команде высадки. Мы не можем упустить такой шанс.

– Высадка: Сара, Ли, Хуан, – сказал Рейн. – Остальные – поддержка с корабля. Игорь, проверь скафандры. Настя, готовь медотсек на случай... проблем.

– Всегда готова, – буркнула Настя, отдав пионерское приветствие. – Но лучше не приносите мне сюрпризы.

Игорь допил кофе и встал, хлопнув себя по коленям.

– Скафандры будут как новые. Но, Сара, если найдёшь там зелёных человечков, принеси мне одного. Хочу сувенир.

2

Космический корабль «Аргус» мягко вибрировал, готовясь к снижению на астероид. В командном отсеке гудели системы навигации, а панорамные экраны транслировали приближающийся силуэт угольного камня, чей кратер зиял, словно разорванная плоть. В воздухе витал запах металла, смешанный с едва уловимым привкусом химикатов из систем фильтрации. Экипаж, разделённый по отсекам, готовился к высадке, и напряжение, словно статическое электричество, искрило в каждом движении, каждом слове.

В ангаре, где хранились скафандры и оборудование, Игорь Волков методично проверял герметичность швов. Его крупные руки, привыкшие к тяжёлой работе, двигались с точностью хирурга. Скафандры, подвешенные на стойках, напоминали пустые оболочки, готовые принять тела экипажа. Игорь пробормотал что-то про себя на русском, проверяя датчики давления на одном из костюмов.

– Игорь, долго ты ещё будешь копаться? – раздался голос Сары Миллс из-за стеллажа с инструментами. Она укладывала в контейнер геологические зонды, её движения были резкими, выдавая нервозность. – Рейн сказал, у нас два часа до высадки.

– Спокойно, американка, – ответил Игорь, не поднимая глаз. – Если скафандр порвётся, будешь дышать вакуумом. Готова рискнуть?

Сара фыркнула, но спорить не стала. Она защёлкнула контейнер и проверила планшет с картой кратера. Данные зонда всё ещё беспокоили её: структура в центре астероида выглядела слишком упорядоченной для природного объекта. Словно кто-то вырезал её из камня с ювелирной точностью.

– Ты видел снимки? – спросила она, подойдя к Игорю. – Эти «руины»... они не похожи на случайные трещины. Там углы, симметрия.

Игорь наконец поднял взгляд, вытирая руки тряпкой.

– Может, это космос морочит тебе голову, – сказал Игорь, его голос, пропитанный сибирской неторопливостью, дрогнул от сдерживаемого смеха. – А может, и впрямь инопланетяне там что-то наваяли. Но, знаешь, мне всё равно, лишь бы двигатели не подвели и кофе в запасе остался.

Сара покачала головой, но уголки её губ дрогнули.

– Ты безнадёжен.

– В том и есть мой шарм, – ухмыльнулся Игорь, возвращаясь к скафандру.

В медицинском отсеке Анастасия Коваленко готовила портативный медкомплект для высадки. Её движения были быстрыми, но точными: ампулы с антибиотиками, шприцы с адреналином, диагностический сканер. Она ненавидела неопределённость, а миссия на XN-47 пахла ею за мило. Настя посмотрела на экран, где крутился трёхмерный скан тела Сары – никаких отклонений, но что-то в её интуиции шептало о беде.

Дверь отсека с шипением открылась, и вошёл Ли Мин, неся под мышкой планшет с анализом проб. Его лицо, обычно спокойное, светилось возбуждением.

– Настя, ты видела данные Сары? – начал он без предисловий. – Эти органические соединения... они не просто аномальные. Они структурированы, как будто кто-то их спроектировал.

Настя отложила шприц и посмотрела на него с прищуром.

– Ли, ты опять про свою ксенобиологию? Если там и есть жизнь, она вряд ли будет рада гостям. Лучше скажи, ты прошёл дезинфекцию перед высадкой?

Ли замялся, поправляя очки.

– Э... да, конечно. Но послушай, если это биология, мы можем столкнуться с чем-то, чего не понимаем. Надо взять биосенсоры.

– Всё уже в комплекте, – отрезала Настя. – И не забудь: притащишь мне заражённого – я этот твой биосенсор засуну тебе туда, где звёзды не светят.

Ли улыбнулся, но в его глазах мелькнула тревога. Он знал, что Настя не шутит.

На мостике капитан Рейн Кляйн стоял перед главным экраном, где астероид медленно вращался, открывая всё новые детали. Его холодные голубые глаза изучали кратер, чьи края казались слишком гладкими, почти искусственными. Рейн не любил сюрпризы, а XN-47 был одним сплошным вопросительным знаком. Он повернулся к Айше Хан, которая сидела за панелью навигации, её пальцы танцевали по сенсорному интерфейсу.

– Айша, траектория стабильна? – спросил он.

– Как стекло, капитан, – ответила Айша, не отрываясь от экрана. Её голос, мягкий и мелодичный, контрастировал с сухостью Рейна. – Сядем в трёх километрах от кратера. Но... – она замялась, – магнитное поле астероида странное. Оно пульсирует, словно там бьётся сердце.

Рейн нахмурился.

– Пульсирует? Этого в данных зонда не было.

– Возможно, зонд что-то упустил, – Айша повернулась, её тёмные глаза встретились с его взглядом. – Или это нечто, чего мы ещё не видели.

– Следи за этим, – коротко бросил Рейн. – Если поле усилится, отменяем высадку.

Айша кивнула, но её пальцы на мгновение замерли. Она вспомнила строку Хафиза: «Тьма скрывает звёзды, но не их свет». Что-то подсказывало ей, что этот астероид скрывает больше, чем они готовы увидеть.

В ангаре Хуан Перес возился со своим дроном, напевая под нос мексиканскую народную песню «La Vamba». Его энергия, казалось, заполняла всё пространство, а руки двигались с молниеносной скоростью, подключая сенсоры к машине. Рядом Макс Тейлор лениво полировал гаечный ключ, наблюдая за Хуаном с насмешливой улыбкой.

– Хуан, ты уверен, что твой дрон не взорвётся на старте? – поддел его Макс. – А то я не хочу потом собирать тебя по кускам.

– Расслабься, англичанин, – Хуан ухмыльнулся, не отрываясь от своего дрона, его пальцы мелькали с ловкостью уличного фокусника. – Этот малыш заснимет астероид так, что твои лондонские пабы будут крутить это на всех каналах. 64К, полный спектр, тепловизор. Спорим, я найду там такое, от чего ты челюсть выронишь?

– Спорю на твой ужин, – хмыкнул Макс. – Но если там пришельцы, типа какого-нибудь ксеноморфа, я пас. Пусть Рейн с ними разбирается.

– Ксеноморф? – Хуан рассмеялся, хлопнув дрон по корпусу, как по плечу старого друга. – Ты всё смотришь это старьё? Ладно, договорились. Но если найду что-то необычное, ты будешь мне кофе варить всю обратную дорогу.

В лаборатории Сара закончила сбор оборудования. Она ещё раз взглянула на снимки кратера: тёмные, изломанные линии, которые казались слишком правильными. Её пальцы невольно коснулись предплечья – зуд, едва заметный, прошёл пером под кожей. Она тряхнула головой, отгоняя мысль.

«Просто нервы», – сказала она себе.

В это время в недрах «Аргуса» что-то шевельнулось. В вентиляционной шахте, скрытой от глаз, тонкая пыль, похожая на споры, осела на фильтрах. Она была почти невидима, но под светом ультрафиолетовых ламп можно было заметить, как крошечные частицы начинают двигаться, словно подчиняясь неслышиму ритму.

3

«Аргус» мягко коснулся поверхности астероида XN-47, и его посадочные опоры вгрызлись в рыхлый угольный грунт, подняв облака мелкой пыли, которые медленно оседали в низкой гравитации. Внешние камеры транслировали на мостик пейзаж: чёрная, изрытая трещинами равнина, усеянная острыми скалами, торчащими, как сломанные кости. Кратер, цель

их миссии, зиял в трёх километрах – тёмная впадина, чьи края казались слишком ровными, словно вырезанными не природой, а разумной рукой.

Команда высадки: Сара Миллс, Ли Мин и Хуан Перес – стояла в шлюзовом отсеке, облачённая в скафандры, чьи герметичные швы поблёскивали под светом ламп. Их шлемы отражали друг друга, создавая бесконечные отражения лиц, искажённых стеклом. Игорь проверил их костюмы, пробурчав что-то о «хлипких американских застёжках», и отступил к панели управления шлюзом.

– Всё готово, – сказал он, его голос, приглушённый интеркомом, звучал с лёгкой насмешкой. – Не забудь сувенир для меня, американка.

Сара, чьё лицо скрывал зеркальный шлем, закатила глаза, и отражение в визоре на миг исказило её черты лёгкой насмешкой.

– Если найду инопланетный кофе, он твой, Игорь, – ответила она. Зуд в предплечье, который она чувствовала в ангаре, вернулся, но она отмахнулась от него, списав на нервы.

Ли Мин, проверяя биосенсоры на запястье, подался вперёд, его глаза горели фанатичным блеском.

– Это не просто астероид, – пробормотал он, почти шепча. – Эти структуры... они могут быть ключом ко всему.

Хуан, возясь с дроном, ухмыльнулся.

– Расслабься, Ли. Если там что-то есть, мой малыш заснимет это.

Ли фыркнул, но не ответил, поглощённый своими мыслями. Шлюз с шипением открылся, и команда шагнула на поверхность.

Астероид встретил их тишиной, такой абсолютной, что она казалась осязаемой. Грунт под ногами был мягким, как пепел, и каждый шаг поднимал облачка пыли, которые зависали в воздухе, словно в замедленной съёмке. Небо над головой было чёрным, усеянным звёздами, но их свет казался холодным, чужим. Сара включила фонарь на шлеме, и луч выхватил из тьмы зубчатые скалы, покрытые странным налётом – не то мхом, не то окаменевшей плёнкой. Она присела, проводя перчаткой по поверхности. Налёт осыпался, как сухая кожа, обнажая гладкий камень с едва заметными узорами, похожими на спирали или вены.

– Это не геология, – тихо сказала она, её голос дрожал в интеркоме. – Это... что-то другое.

Ли, стоявший рядом, направил биосенсор на образец. Экран мигнул, показывая следы углерода, азота и чего-то ещё – молекул, которых не должно быть в природе.

– Органика, – выдохнул он. – Но не земная. Это не просто аминокислоты. Они... структурированы.

Хуан, запустивший дрон, наблюдал за экраном своего планшета. Машина бесшумно скользила над поверхностью, её камеры передавали изображения кратера.

– Эй, ребята, гляньте на это, – его голос был полон азарта. – Дрон засёк структуру. Она не просто большая. Она... симметричная. Как соты.

Сара и Ли переглянулись. Слово «соты» резануло слух, вызвав у Сары лёгкий озноб. Она встряхнула головой и шагнула вперёд, к кратеру.

– Идём. Надо увидеть это своими глазами.

Путь к кратеру занял около часа. Низкая гравитация делала шаги неуклюжими, почти комичными, но никто не шутил. Астероид казался живым, хотя и молчал. Камни под ногами иногда хрустели, как будто внутри них что-то ломалось, а налёт на скалах становился гуще, местами напоминая пористую корку, словно окаменевшую губку. Сара старалась не смотреть на него слишком долго – что-то в этих узорах тревожило её, хотя она не могла объяснить почему.

Когда они достигли края кратера, дыхание перехватило даже у Хуана. Структура в центре была огромной – около ста метров в диаметре, похожая на амфитеатр, вырезанный из чёрного камня. Её стены были покрыты спиральными узорами, которые переплетались, образуя сложные, почти гипнотические рисунки. Но самое странное было то, что поверхность структуры лоснилась, будто мокрая плоть, и местами дрожала, словно под её коркой копошилось нечто живое.

– Это не руины, – прошептал Ли. – Это... гнездо. Или храм. Или...

– Или просто большая куча камней, – перебил Хуан, но его голос был менее уверенным, чем обычно. Он направил дрон ближе, и камера показала крупный план: в стенах структуры зияли крошечные отверстия, идеально круглые. Они были расположены в узорах, напоминающих фракталы, и из некоторых, едва заметно, поднималась тонкая пыль.

Сара подошла ближе, её фонарь осветил одно из отверстий. Оно было не глубже сантиметра, но внутри что-то блеснуло – словно капля жидкости, поймавшая свет. Она достала зонд и аккуратно взяла пробу. Жидкость была вязкой, с металлическим оттенком, и, когда зонд коснулся её, поверхность отверстия дрогнула, словно живая.

– Сара, осторожно, – сказал Ли, его голос напрягся. – Это может быть опасно.

– Я знаю, что делаю, – отрезала она, но её пальцы в перчатках слегка дрожали. Она запечатала пробу в контейнер и отступила. – Надо отправить это на анализ.

Хуан, глядя на экран дрона, вдруг замер.

– Э... ребята, – его голос стал тише. – Дрон засёк движение. Внутри структуры. Что-то... ползёт.

Камера дрона показала тёмный туннель в стене кратера, где что-то шевелилось – тонкое, почти невидимое, как нити паутины, но в огромном количестве. Они двигались синхронно, словно подчиняясь единому ритму.

– Это может быть просто ветер, – сказала Сара, но её голос выдал сомнение. Ветра на астероиде не было.

На «Аргусе» Рейн Кляйн следил за трансляцией с мостика. Его пальцы стиснули подлокотники кресла, когда камера дрона показала движение. Айша Хан, сидящая за панелью, нахмурилась.

– Магнитное поле усиливается, капитан, – сказала она, её голос, скрывал тень тревоги. – Оно пульсирует, словно там что-то дышит.

Рейн кивнул, не отрывая глаз от экрана.

– Держите связь с командой. Если что-то пойдёт не так, вытаскиваем их немедленно.

В медицинском отсеке Анастасия Коваленко склонилась над сканерами, её лицо омрачала тень тревоги, а брови сошлись в сосредоточенной складке. Она не слышала разговора на мостике, но её интуиция кричала о беде. Она взглянула на медицинский экран, где всё ещё крутился скан Сары. Показатели были в норме, но что-то в её данных – едва заметное отклонение в кровяном составе – заставило Настю замереть.

В ангаре Игорь Волков и Макс Тейлор готовили резервный шаттл на случай эвакуации. Макс лениво крутил гаечный ключ, бросая взгляды на экран с трансляцией.

– Бьюсь об заклад, они отыщут там нечто такое, что заставит нас всех горько пожалеть, – сказал он, его сарказм скрывал нервозность.

Игорь хмыкнул, не отрываясь от работы.

– Лучше бы это был просто камень.

Сара, Ли и Хуан стояли у края структуры, их фонари выхватывали из тьмы всё новые детали. Отверстия в стенах казались глубже, чем при первом взгляде, и из них теперь поднималась тонкая дымка, похожая на споры. Сара почувствовала, как зуд в предплечье усилился, но списала это на давление скафандра. Она не заметила, как её перчатка, коснувшаяся пробы, покрылась едва видимой пылью, которая начала впитываться в микротрещины материала.

– Пора возвращаться, – произнёс Ли. – Проба у нас. Этого пока достаточно, чтобы понять, с чем мы столкнулись. Если нужно, вернёмся позже.

– Ещё пять минут, – ответила Сара, её глаза горели упрямством. – Я хочу понять, что это.

Хуан направил дрон глубже в туннель. Камера мигнула, и изображение на секунду пропало. Когда оно вернулось, в кадре мелькнуло что-то – сеть тонких, шевелящихся нитей, которые тут же исчезли в темноте.

– Это точно не ветер, – прошептал Хуан. – Там что-то живое.

4

«Аргус» ждал их как верный страж, его огни мерцали в вечной тьме космоса, отражаясь от чёрной поверхности астероида XN-47. Команда высадки медленно шагала назад к кораблю, их скафандры покрытые слоем угольной пыли, которая цеплялась к материалу, как паутина, проникая в каждую складку и микротрещину. Низкая гравитация делала их движения плавными, почти танцующими, но в интерком слышалось тяжёлое дыхание – смесь усталости и неопределённого страха. Шлюзовой отсек открылся с шипением, впуская их в стерильную камеру, где системы дезинфекции зажужжали, обдавая ультрафиолетовым светом и струями химикатов. Пыль осыпалась, но не вся – та, что была тоньше, почти невидимая, уже осела внутри, прилипнув к потной коже под костюмами.

Игорь Волков стоял за переборкой, его лицо за стеклом иллюминатора было хмурым, как сибирская туча. Он активировал цикл очистки, наблюдая, как команда снимает шлемы.

– Ну, как там, на этой каменной могиле? – спросил он через интерком, пытаясь звучать шутливо, но его густой русский акцент выдавал напряжение. – Принесли мне сувенир?

Сара стянула шлем первой, её тёмные волосы прилипли к вспотевшему лбу, а глаза блеснули от адреналина. Зуд в предплечье теперь пульсировал, как далёкий барабан, распространяясь вверх по руке, но она отмахнулась от него, списав на раздражение от костюма.

– Странно, Игорь. Очень странно, – ответила она. – Структура... она не природная. Мы взяли пробу. Жидкость из отверстий. Она... блеснула.

Ли Мин, снимая перчатки, кивнул, его худощавое лицо светилось фанатичным возбуждением. Его очки запотели, и он протёр их рукавом.

– Это биология, Игорь. Чужая. Мне нужно в лабораторию. Если это то, о чём я думаю...

Хуан, отстёгивая дрон от пояса, ухмыльнулся, но его обычная энергия угасла, оставив лишь тень былого азарта. Его руки слегка дрожали.

– Да, и там что-то шевелилось. Как нити... или черви. Мой дрон едва не потерял сигнал. И как я уже говорил это точно не ветер, мужик. Это что-то живое.

Игорь присвистнул, открывая внутреннюю дверь шлюза. Створки разъехались с металлическим лязгом.

– Черви? Звучит мерзко. Идите в лабораторию, Рейн ждёт отчёта. И не разнесите эту дрянь по кораблю.

Команда прошла внутрь, оставляя следы пыли на полу. Игорь запер шлюз и активировал дополнительную очистку, но его интуиция – та, что спасла его в десятке ремонтов в открытом космосе – шептала, что что-то уже пробралось внутрь.

В лаборатории воздух был стерильным, пропитанным запахом антисептиков и озона от анализаторов. Сара поместила контейнер с пробой под голографический микроскоп, и экран ожил, проецируя увеличенное изображение вязкой жидкости с металлическим блеском. Она

была живой – или казалась такой: поверхность пульсировала, как будто дышала. Ли склонился над консолью, его пальцы танцевали по клавиатуре, запуская сканирование.

– Смотрите, – прошептал он, увеличивая изображение в тысячу раз. – Это не просто органика. Это... структуры. Микроскопические нити, сплетённые в сети. Они двигаются, размножаются.

На голограмме волокна корчились в вязкой среде, сплетаясь в фрактальные лабиринты – мириады микроскопических устьев, пронизывающих субстанцию. Из каждого выскальзывали хрупкие отростки, бьющиеся в едином ритме, как антенны, ловящие древний зов из бездны. Сара почувствовала озноб: паттерн был идентичен тем отверстиям в структуре астероида, кластерам, которые вызывали у неё необъяснимое отвращение. Они множились на глазах, дыры расширялись, поглощая жидкость, превращая её в пористую массу, где каждая пора шевелилась.

– Это может быть паразит, – сказал Ли. – Или симбионт. Они колонизируют среду, перестраивая её под себя. Смотрите, как они редактируют молекулы – как короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами, но на квантовом уровне.

Хуан, стоявший в стороне, подключил дрон к компьютеру и запустил видео. Экран показал туннель в структуре: нити, теперь видимые крупным планом, ползли по стенам, формируя новые отверстия, из которых сочилась та же жидкость.

– Это не просто жизнь, – пробормотал он. – Это... инфекция.

Сара коснулась предплечья – зуд усилился, и под рукавом она почувствовала лёгкую выпуклость, как будто кожа вздулась в крошечные бугорки. Она быстро отдернула руку, не показывая вида, но в её голове промелькнула мысль: «Это от пробы? Нет, невозможно...»

В этот момент дверь лаборатории с шипением открылась, и тяжелыми шагами вошёл капитан Рейн Кляйн. Айша Хан следовала за ним, её лицо было бледным, а глаза – широко раскрытыми. В руках она держала планшет, экран которого мерцал данными.

– Мы поймали сигнал, – сказал Рейн без предисловий. – Слабый, но повторяющийся. Из глубины астероида. Это маяк. Старый, земной.

Айша кивнула, подключая планшет к главному экрану.

– Это с корабля «Пионер». Русская экспедиция, пропала несколько лет назад. Они изучали пояс Койпера... и исчезли. Сигнал – это записи, зацикленные. Мы декодировали их.

Игорь, услышавший это по интеркому, ворвался в лабораторию, его широкая фигура заполнила дверной проём. Его лицо побледнело.

– «Пионер»? Это был наш корабль. Мой дядя, Василий Волков, был бортиженером на борту. Что в сигнале? Говорите!

Айша запустила запись. Голос, искажённый помехами и временем, заговорил на русском, эхом разнёсшись по лаборатории:

«Это капитан Соколов... День 47. Мы нашли... нечто на астероиде. Структура, как соты. Жидкость... она проникла в скафандры. Сначала зуд. Потом... отверстия.»

Голос прервался, сменившись тяжёлым дыханием. Затем продолжился, теперь с тяжёлым хрипом:

«Василий... мой инженер... его кожа... покрылась отверстиями. Тысячи крошечных, словно пробитые иглой. Из них вылезают... черви. Тонкие, шевелящиеся. Они ползут под кожей, роют туннели. Он кричал, когда они добрались до глаз. Его веки... стали пористыми, как губка, и из пор полезли личинки, белые, пульсирующие. Кровь смешалась с гноем, фонтанируя из дырок, как из решета. Он рвал кожу, пытаясь выковырять их, но они множились, заполняя раны новыми кластерами. Его тело... стало гнездом. Плоть раздувалась, лопалась в местах, где черви скопились, выпуская рои – тысячи, миллионы, шевелящихся в воздухе, как пыль. Мы заперли его, но он... слился со стеной. Его кожа растеклась, превратившись в пористую мембрану, покрытую отверстиями, из которых черви тянулись к нам, как щупальца.»

Корабль... он цветёт. Стены покрываются теми же дырами, металл становится мягким, живым. Не подходите... Оно в нас всех. Оно шепчет... рождается...»

Запись оборвалась стоном, за которым последовал шорох – как тысячи крошечных ног, ползущих по металлу, смешанный с влажным чавканьем разрывающейся плоти. Затем тишина, прерываемая лишь циклическим сигналом маяка.

Игорь стоял, замерев, его кулаки сжались так, что побелели костяшки.

– Дядя... – прошептал он, его голос сломался. – Это... это не может быть правдой.

Рейн положил руку на плечо Игоря, но его глаза были холодны.

– Это предостережение. Мы не ведаем, что за тварь перед нами. Ли, продолжай анализ.

Никто не покидает лабораторию, пока мы не разберёмся в этой мерзости.

Айша отключила запись, её пробил озноб.

– Сигнал исходит из центра кратера. «Пионер» там, погребённый. Возможно, астероид... поглотил его.

Сара слушала, но её внимание рассеялось. Зуд теперь горел огнём, распространяясь по всему телу. Она отошла в угол, пока остальные спорили, и закатала рукав. На коже предплечья появились крошечные красные точки – сотни, как уколы иглой, расположенные в узорах, напоминающих фракталы с экрана. Они пульсировали, и из одной, самой большой, высунилось что-то тонкое, шевелящееся – миниатюрное щупальце, белое и слизистое, извивающееся в воздухе. Сара ахнула, но не закричала. Вместо ужаса она почувствовала странную эйфорию – как будто это было правильно, как будто её тело наконец-то обрело цель. Она быстро опустила рукав, скрывая это, но в её голове эхом отозвался шёпот: *«Роди нас...»*

В вентиляциях «Аргуса», скрытых от глаз, пыль оседала, формируя пористые наросты на фильтрах. Они шевелились, множась, превращая металл в нечто живое. Корабль начинал «цвести», и первый рой личинок уже полз по трубам, ища новые тела.

В медотсеке Настя Коваленко проверяла сканеры, её лицо было хмурым. Она вызвала Сару по интеркому:

– Сара, подойди в медотсек. Твои показатели... странные. Сердцебиение учащённое, и... что-то с кожей.

Но Сара не ответила. Она стояла в лаборатории, глядя на голограмму, где нити множились, и улыбалась – едва заметно, но с намёком на безумие.

5

«Аргус» дрожал, словно от озноба, его системы гудели с перебоями, а свет в коридорах мигал, отбрасывая зыбкие тени на стены. Воздух стал тяжёлым, пропитанным влажной гнилью, как будто корабль потел, выдыхая что-то живое. В лаборатории экипаж замер вокруг голографического экрана, где проба с астероида XN-47 «цвела»: нити в вязкой жидкости множились, формируя кластеры отверстий, из которых высывались отростки – тонкие, как ресницы, и живые. Каждая дыра пульсировала, словно глаз, и из неё сочилась слизь, в которой копошились личинки, извивающиеся в синхронном, почти гипнотическом танце. Трипофобный кошмар разворачивался перед глазами, и даже Ли Мин, повидавший в своих ксенобиологических изысканиях причудливые формы жизни, невольно отшатнулся, его лицо побледнело перед пульсирующей бездной отверстий.

Сара Миллс стояла в углу, её руки были скрещены, чтобы скрыть, как она сжимает предплечье. Зуд, начавшийся на астероиде, теперь горел, распространяясь по груди, шее, животу. Под кожей она чувствовала движение – шорох тысяч крошечных ног, копошащихся в её плоти. Она не рассказала никому о красных точках, которые покрывали её кожу, о том, как из одной высунулось щупальце, белое и слизистое, прежде чем втянуться обратно. Её разум балансировал между ужасом и эйфорией, как будто голос внутри шептал: *ты – дом, ты – мать*. Она тряхнула головой, прогоняя шёпот.

Ли Мин, склонившись над анализатором, не отрывал глаз от экрана. Линзы его очков запотели от частого дыхания.

– Это не просто паразиты, – сказал он, с нотой восторга. – Они перестраивают ДНК, как нанотехнология. Разумная биология. Они колонизируют всё, к чему прикасаются, переписывая клетки в... фермы.

Хуан Перес, сидевший на краю стола, тёр шею с такой силой, что кожа покраснела. Его энергия, обычно бьющая через край, угасла, сменившись дёргаными движениями, а глаза блестели лихорадочным блеском.

– Колонизируют? – прохрипел он, его голос сорвался в полувизг. – Ты слышал сообщения с «Пионера»? Они разорвали их! Черви, дыры, всё это... – он замолчал, почесав шею сильнее. Кожа под его пальцами покрылась крошечными точками – кластерами отверстий, как семена в подсолнухе, из которых сочилась тонкая струйка слизи.

Сара отвернулась, её сердце заколотилось. Она знала, что скрывает под рукавом, но молчала. Шёпот в голове становился громче: *Роди нас. Стань нами.*

Рейн Кляйн, стоявший у двери, сложил руки на груди. Его холодные голубые глаза обводили команду, задерживаясь на каждом.

– Мы расшифровали ещё одну запись с «Пионера», – сказал он. – Айша, покажи.

Айша подключила планшет к главному экрану. Её бил озноб, но она шептала строки Хафиза, чтобы удержать страх: *«Тьма скрывает звёзды, но не их свет»*. Экран мигнул, и началась запись – видео с «Пионера».

Камера дрожала, показывая хаос: стены отсека покрылись пористыми наростами, из которых сочилась чёрная слизь. В центре кадра стоял человек – или то, что от него осталось. Его кожа была решетом, тысячи отверстий зияли на лице и руках, из них вылезали белые личинки, шевелящиеся, как трава на ветру. Глаза, теперь пористые, как губка, сочились гноем, но он улыбался – безумной, эйфоричной улыбкой.

– *Это Василий Волков, – прохрипел голос за кадром, вероятно, капитана Соколова. – Он... стал частью этого. Его тело... цветёт. Корабль... живой. Мы пытались сжечь его, но черви... везде. Они шепчут. Хотят... родиться.*

Кадр сменился: стена отсека треснула, и из трещины хлынул рой – миллионы личинок, тонких, как нити, заполнили воздух, оседая на камере. Раздался крик, затем чавкающий звук разрывающейся плоти, и экран погас.

Игорь Волков, стоявший у двери, стиснул кулаки, суставы хрустнули.

– Дядя... – прошептал он, его голос сломался. – Господи Боже...

Рейн положил руку на его плечо, но его взгляд остался холодным.

– Ли, продолжай анализ. Мы должны...

Хуан резко вскочил, прервав Рейна на полуслове, его черты исказила гримаса ужаса. Он сорвал воротник, обнажив шею, усыпанную крошечными кратерами – идеально круглыми, как следы лазерного укола. Из пор сочилась маслянистая жижа, и в каждом устье корчились бледные отростки, извивающиеся, словно корни в разлагающейся земле.

– Они внутри! – взвизгнул он, голос сломался эхом. – Я ощущаю их шевеление! Они роют ходы! Он метнулся к Ли, впиваясь пальцами в его плечи. – Ты знал! Знал, во что нас втянул! – Кожа на руках лопнула, извергнув струю гноя, смешанного с алой кровью. Крошечные личинки, мерцающие, как жемчуг, посыпались на пол, копошась в луже, словно рой в агонии.

Настя Коваленко, ворвавшаяся в лабораторию с медицинским кейсом, среагировала молниеносно. Её тёмные волосы выбились из пучка, а глаза сузились, как у хищника. Она всадила шприц с транквилизатором в плечо Хуана, и он обмяк, рухнув на пол. Но его кожа продолжала «цвести»: новые отверстия расползались по груди, из них вытекала слизь, а личинки ползли по столу, ища новую цель.

– Карантин! – рявкнул Рейн. – Настя, уводи его в медотсек. Запри его. Никто не входит без моего приказа.

Игорь шагнул вперёд, его лицо исказилось яростью.

– Запереть? Он уже не человек, Рейн! Ты слышал «Пионер»! Надо сжечь его, пока он нас не заразил!

– Мы не знаем, что это, – отрезал Рейн. – Мы не сжигаем своих, пока не найдём способ остановить это. Ли, что с пробой?

Ли, всё ещё склонившись над микроскопом, медленно обернулся, его лицо, бледное, как лунный пепел, озарялось лихорадочным огнём в глазах.

– Они перестраивают клетки, – сказал он. – Как вирус, но разумный. Они... Переписывают ДНК, создавая гнёзда.

Настя, поддерживая Хуана, чьё тело обмякло под действием транквилизатора, водрузила его на антигравитационные носилки, которые с тихим гудением поднялись над полом. Её взгляд скользнул к Саре, застывшей в углу лаборатории.

– Ты тоже, Сара. Твои показатели ненормальные. Сердцебиение зашкаливает, кожа... что-то с ней. Идём в медотсек. Сейчас же.

Сара покачала головой, её голос был слишком спокойным, почти неживым.

– Я в порядке, Настя. Просто стресс. Дай мне... доделать анализ.

Настя прищурилась, но Рейн жестом остановил её.

– Оставь её. Ли, продолжай анализ. Игорь, проверь системы корабля. Воздух слишком тяжёлый.

Игорь кивнул, но его взгляд задержался на Саре. Он чувствовал, что она скрывает что-то, но молчал. Память о записях «Пионера» – о его дяде, чьё тело стало пористой массой, – жгла его, как раскалённый уголь.

В медотсеке Настя заперла Хуана в изолированной камере. Его тело, теперь покрытое сотнями отверстий, лежало на койке, но даже под транквилизатором он дёргался, как будто что-то внутри боролось за контроль. Настя подключила сканер, и экран ожил, явив картину, от которой кровь стыла в жилах: его кожа была пронизана туннелями, где копошились нити, формируя новые дыры. Лёгкие, сердце, даже кости начали «пориться», превращаясь в губчатую массу, из которой сочилась слизь. Она отступила, её руки дрожали, но она заставила себя записать: *«Субъект: Хуан Перес. Симптомы: множественные перфорации кожи, выделение биомассы, предположительно паразитической. Прогноз: неизвестен.»*

В изолированной камере Хуан внезапно распахнул веки – или то, что от них осталось. Его зрачки растворились в пустоте, уступив место пористым сгусткам, из которых, словно тонкие нити, извивались белые личинки, мерцающие в тусклом свете. Он улыбнулся – той же безумной, эйфоричной улыбкой, что была на видео с «Пионера».

– Они... прекрасны, – прохрипел он. – Они... рождаются.

Настя отшатнулась, её рука потянулась к интеркому.

– Рейн, Хуан... он говорит. Но это... это не он. Что мне делать? Боже!

Макс Тейлор, раскрыв вентиляционную решётку в ангаре, застыл, словно поражённый молнией, его взгляд приковала открывшаяся картина. Запах гниющей плоти ударил в нос, и он посветил фонариком: решётка была покрыта пористым налётом, как окаменевший коралл, с тысячами крошечных отверстий, из которых сочилась чёрная слизь. Он выругался и схватил горелку, но налёт ожил – из дырок вырвался рой личинок, тонких, как пыль, оседающая на его лице. Макс закричал, отмахиваясь, но споры проникли в кожу, и он почувствовал зуд, как тысячи игл, вонзающихся в плоть. Он бросился к интеркому, его голос сорвался:

– Рейн! Вентиляция заражена! Оно... ползёт!

Находясь на мостике Айша Хан поймала новый сигнал – не с «Пионера», а из глубины астероида. Это был биологический импульс, пульсирующий, как сердцебиение, синхронизированное с магнитным полем. Она направила дрон на разведку, и экран ожил, явив зрелище, от которого разум цепенел: структура в кратере «цвела», её стены шевелились, из отверстий рои личинок формировали живую сеть, похожую на гигантскую губку. Каждая дыра была глазом, следящим за ними.

– Оно зовёт нас, – прошептала Айша. – Оно хочет, чтобы мы вернулись.

Рейн сжал подлокотники кресла.

– Поднимаем корабль. Уходим. Сейчас.

Игорь, в машинном отделении, попытался запустить двигатели, но консоль мигала ошибками. Он вскрыл панель, ведущую к реактору, и замер: топливные магистрали пульсировали, словно вены, покрытые пористыми наростами. Из отверстий сочилась слизь, и внутри, под прозрачной коркой, шевелились личинки, превращая металл в пульсирующую массу. Двигатель гудел, но не как машина – как организм, дышавший в такт сигналу с астероида. Игорь отступил, его голос в интеркоме дрожал:

– Рейн, мы не взлетим. Двигатели... живые. Они зацвели.

Рейн стукнул кулаком по панели.

– Айша, отправь сигнал бедствия. Максимальная мощность. Если мы не улетим, кто-то должен знать, что тут происходит.

Айша кивнула, её пальцы замерли над консолью, но она чувствовала, как корабль дышит под её руками. Сигнал ушёл в пустоту, но ответом была тишина – и шёпот, едва уловимый, в её голове: *Вы уже наши*. Экран мигнул, показывая искажённый сигнал, смешанный с биологическим импульсом астероида, как будто он отвечал.

В лаборатории Сара, оставшись в одиночестве, застыла перед голографическим экраном, где пульсирующие нити пробы извивались, словно живые вены чужого организма. Её взгляд, прикованный к их гипнотическому танцу, затуманился, как будто она видела не пробу, а само сердце астероида, зовущее её. Пальцы, теперь испещрённые крошечными отверстиями, из которых сочилась тонкая слизь, дрожали, сжимаясь в попытке заглушить шёпот, что раздавался в её сознании, подобно хору, вплетённому в саму ткань бытия: *Вернись. Растворись в нас*.

Её губы дрогнули в улыбке, полной безумной ясности, глаза сверкнули, отражая свет экрана, как звёзды в бездонной пустоте. Она медленно протянула руку к панели управления шлюзом, её движения были плавными, почти ритуальными. Пальцы, покрытые кластерами шевелящихся пор, коснулись кнопки. Шлюз отозвался низким шипением, и створки разъехались, впуская тонкую, живую пыль – рой спор, танцующих в воздухе, словно снег из иного мира. Пыль оседала на её коже, уже начавшей «цвести», сливалась с ней, как река, возвращающаяся к морю.

С потолка закапала слизь, вязкая и тёплая, а из вентиляции донёсся шорох. Сара подняла руки, глядя на них, как на произведение искусства: отверстия множилось, раскрываясь, как цветы, из которых выглядывали белые, шевелящиеся нити. Она прошептала, её голос был мягким, почти нежным:

– Мы дома.

6

На мостике «Аргуса» воздух стоял тяжёлым, пропитанным влагой и чем-то органическим, как дыхание гниющего тела. Свет панелей мигал, отбрасывая призрачные блики на лица экипажа, собравшегося вокруг центрального экрана. Рейн Кляйн, его гранитное лицо теперь

избородженное морщинами усталости, стучал пальцами по консоли, пытаясь стабилизировать системы.

Айша Хан, её тёмные глаза прикованы к экрану, где сигнал бедствия эхом уходил в пустоту, внезапно замерла. Её пальцы застыли над клавиатурой.

– Капитан, – прошептала она. – Шлюз... он открыт. Внешняя дверь не заперта.

Рейн наклонился ближе, его глаза сузились, отражая красный сигнал тревоги. Экран показывал схему корабля: шлюзовой отсек зиял красным, как открытая рана. Он нажал на виртуальную кнопку закрытия, но консоль отозвалась писком ошибки, экран мигнул, и ничего не произошло.

– Что за...? – пробормотал он, повторяя команду. Снова ошибка. – Системы не отвечают. Что-то мешает...

Игорь Волков, стоявший у двери мостика, шагнул вперёд.

– Сара, – сказал он, пропитанный подозрением. – Она была в лаборатории.

Рейн кивнул, его разум работал как машина, просчитывая варианты. Споры уже проникли внутрь – это было ясно по налёту на пористых стенах. Если шлюз открыт, корабль станет открытой веной для астероида.

– Мы не можем рисковать. Закроем вручную. Макс, ты ближе всех к ангару. Надень герметичный костюм и запри его. Быстро.

По интеркому раздался хриплый голос Макса Тейлора.

– Есть, капитан, иду.

Рейн отключил связь.

– Айша, следи за сигналом бедствия. Если кто-то ответит, скажи им держаться подальше. Это не спасательная операция. Это ловушка.

Айша кивнула. Шёпот в голове, едва уловимый, шептал: *Вернись. Остайся нами.* Она тряхнула головой, отгоняя его, как назойливую муху.

В ангаре Макс Тейлор стоял перед стойкой со скафандрами, его руки тряслись, когда он надевал герметичный костюм. Зуд, начавшийся после инцидента с вентиляцией, теперь горел огнём – под кожей, в груди, в голове. Он чувствовал, как что-то ползёт внутри, роет туннели, шевелится в порах. «*Просто нервы*», – повторял он себе, но знал, что это лож. Его кожа под комбинезоном уже покрылась красными точками, из которых сочилась тонкая слизь. Он застегнул шлем, визор запотел от его тяжёлого дыхания, и шагнул в коридор.

Корабль казался другим – стены пульсировали, покрытые пористыми наростами, как живая плоть. Каждый шаг отдавался эхом, но под ним Макс слышал шорох – тысячи крошечных существ, копошащихся в металле. Его разум туманился, галлюцинации накатывали волнами: в углу коридора он увидел свою мать, её лицо – решето из дырок, из которых вылезали белые личинки, шевелящиеся, как волосы на ветру. Она улыбнулась, и изо рта хлынула слизь.

– Макс, милый, – прошептала она, но голос был не её, а множеством шёпотов. – Я так по тебе скучала, иди ко мне, ну же, обними меня.

Макс зажмурился, тряхнул головой, но видение не исчезло. Он брёл дальше, опираясь на стену, но рука провалилась в пористый нарост – мягкий, с сотнями отверстий, из которых высунулись нити, обвившие его перчатку. Он отдёрнул руку, и слизь потянулась следом, как паутина. Зуд в голове усилился, и он увидел себя, мутировавшего, тело как решето, из дырок роятся личинки, заполняющие воздух. «*Нет, – подумал он, – это не я. О Господи, нет.*»

Шлюз был рядом – его створки зияли, словно бездонный провал, источая ледяной холод космоса, смешанный с влажным, живым теплом астероида. Макс брёл, его шаги становились тяжелее, костюм казался тюрьмой, а зуд – симфонией боли. Галлюцинации множились: экипаж «Пионера» маршировал рядом, их тела – пористые тени, из отверстий в лицах вылезали черви, шепчущие: *Роди нас. Цвети. Будь с нами. Будь нами.* Он споткнулся, упал на колени, и через

визор увидел свою руку – перчатка покрылась трещинами, из которых просачивалась вязкая субстанция.

На издыхании он добрался до панели ручного управления. Шлюз зиял, и через щель – тонкую, словно лезвием рассекшую тьму – сочилась омерзительная масса: пульсирующая, пористая, точно окаменевший улей, с мириадами отверстий, из которых выползали личинки, тянущиеся к нему, подобно жадным корням. Макс потянулся к рычагу, его пальцы скользили по слизи, но он нажал, и дверь начала с лязгом закрываться. Щель сужалась, но масса протиснулась – влажная, пульсирующая, облепив его костюм, проникая в трещины, в поры.

Он закричал, когда она поглотила его: слизь хлынула в шлем, заполняя рот, нос, глаза. Его кожа лопнула изнутри, отверстия расширились, из них вырвались рои личинок, шевелящиеся в его плоти. Тело мутировалось – кости стали пористыми, как пемза, мышцы – сетью туннелей, заполненных червями. Он стал жутким подобием человека и червивого монстра: лицо – решето, из дырок вылезают белые нити, тело раздувается, лопается в местах, выпуская телесные жидкости. Он встал, шатаясь, его шаги чавкали, как по болоту, и направился обратно в коридоры, шепча:

– Роди нас. Цвети.

Вентиляция отозвалась гулким эхом – словно корабль испустил тяжёлый вздох, и его стены, расцветая всё гуще, покрылись кластерами шевелящихся отверстий, обращая «Аргус» в живое, пульсирующее гнездо.

7

Коридоры «Аргуса» дышали. Стены, прежде стерильные, теперь бились, как живая плоть, обрастая губчатыми наростами. Круглые устья расплзались, словно недремлющие очи, следящие за экипажем. Из них струился маслянистый иخور, стекавший в лужи, где копошились бледные волокна, трепещущие, как паутина в ветряную погоду. Вентиляция издавала низкий, влажный шорох. Свет мигнул, и тени на стенах дрогнули, словно корабль вздыхал, принимая новую форму.

На мостике Рейн Кляйн стоял перед главным экраном, глядя на данные, поступающие с дрона. Структура в кратере ХN-47 «цвела»: её стены, покрытые фрактальными узорами отверстий, шевелились, как кожа живого существа. Камера дрона выхватила туннель, где тонкие, почти невидимые нити извивались в синхронном ритме, словно вены, бьющиеся в такт неслышимому сердцу. Айша, её пальцы дрожали над консолью, прошептала, цитируя Хафиза:

– *«Тьма скрывает звёзды, но не их свет»*... Но, Рейн, здесь нет света. Только оно. Оно... зовёт.

Рейн повернулся, его глаза сверкнули холодом.

– Что значит «зовёт»? Это астероид. Камень.

Айша покачала головой, её тёмные волосы выбились из-под платка.

– Это не камень. Магнитное поле пульсирует, как сердцебиение. Сигнал с «Пионера» шёл из его центра. И этот шёпот... – она замялась, её голос упал до шёпота. – Я слышу его. В голове. Как будто оно знает нас.

Игорь Волков, стоявший у входа, стиснул кулаки. Его лицо, обычно грубое и насмешливое, теперь было искажено болью – память о записях дяди, Василия, чьё тело стало гнездом, жгла его.

– Это не просто паразиты, – прорычал он. – Этот астероид – оно. Оно живое. И оно сожрало «Пионер». А теперь сожрет нас.

Рейн поднял руку, требуя тишины.

– Хватит. Мы отправим зонд. Если это организм, мы узнаем, как его уничтожить. Айша, готовь дрон с тепловизором. Настя, проверь Хуана. Если он ещё... человек, нам нужны ответы.

В медотсеке Настя Коваленко стояла перед изолированной камерой, где лежал Хуан. Его тело, было едва узнаваемое. Его кожа «цвела», превращаясь в пористую массу, сливающуюся со стенами камеры. Она подключила сканер, но экран показал кошмар: его кости стали губчатыми, лёгкие – сетью туннелей, где копошились нити. Хуан открыл глаза – или то, что от них осталось, – пористые ямы, из которых сочилась слизь. Он улыбнулся, его голос был хриплым, но не его:

– Они... поют. Ты слышишь? Они хотят... родиться.

Настя отшатнулась, её рука потянулась к шприцу с транквилизатором, но она замерла. Зуд, едва заметный, начался в её ладони. Она посмотрела вниз: кожа на запястье покрылась крошечными красными точками, расположенными в спиральных узорах. Из одной точки высунулась нить, тонкая, как волос, и втянулась обратно. Настя ахнула, её сердце заколотилось, но она заставила себя записать: «*Субъект: Коваленко. Симптомы: начальная стадия перфорации кожи. Прогноз: заражение.*» Она включила интерком:

– Рейн, я тоже... заражена. Хуан – уже не человек.

– Держись, Настя. Изолируй себя, если нужно. Мы найдём способ.

В лаборатории Ли Мин, игнорируя приказы, склонился над пробой. Его глаза горели фанатичным огнём. Голографический экран показывал нити, которые теперь формировали структуры, похожие на нейронные сети. Ли ввёл в анализатор свою кровь, смешанную с пробой, и экран мигнул: его ДНК переписывалась, клетки превращались в пористые «фермы». Он улыбнулся, шепча:

– Вы разумны. Вы... говорите со мной.

Шёпот в его голове стал громче, показывая образы: бесконечные туннели астероида, где миллионы существ, подобных личинкам, сливались в единый организм. Они были древними, старше звёзд, выживая в космосе, колонизируя тела и машины, чтобы «цвести». Ли почувствовал зуд в глазах, и, коснувшись лица, обнаружил, что кожа под веками стала мягкой, пористой. Из уголка глаза вытекла капля слизи, в которой шевелилась личинка. Он не закричал – он рассмеялся, его голос смешался с шёпотом: *Мы – вечны.*

Макс Тейлор, уже не человек, но нечто чуждое, скитался по коридорам, его шаги чавкали, словно поступь по зыбкой пелене гниющей плоти. Его тело, раздутое и пористое, чавкало при каждом шаге, оставляя за собой след из слизи и личинок. Лицо – решето, из которого вылезали белые нити. Он был посланником, связующим звеном между астероидом и кораблём. Его разум, размытый, но всё ещё цепляющийся за осколки личности, направлял его к мостику. Он замер у порога, его голос, искажённый, словно хор из тысячи глоток, разорвал тишину через интерком:

– Вы... семена. Мы... вечны. Присоединяйтесь. Цветите.

Игорь, стоявший на мостике, схватил плазменный резак и бросился к двери.

– Это не Макс! – крикнул он, его голос дрожал от ярости. – Это тварь! Рейн, дай мне сжечь его!

Рейн остановил его, его рука сжала плечо Игоря, как тиски.

– Стой. Если оно говорит, значит, оно хочет общаться. Мы можем узнать, что это.

Игорь вырвался, его глаза пылали.

– Общаться? Это сожрало моего дядю! Это сожрёт нас! – он включил резак, и пламя осветило коридор.

Макс, или то, что от него осталось, шагнул вперёд, его тело лопнуло в нескольких местах, выпуская фонтаны гноя и рои личинок, которые устремились к Игорю. Пламя срезало часть массы, но она регенерировала, отверстия множилось, из них вылезали новые нити, тянущиеся к нему, как щупальца.

Игорь отступил, его лицо было бледным.

– Оно не горит... Оно... растёт!

Айша, запустившая зонд, смотрела на экран с ужасом. Дрон вошёл в туннель астероида, и камера показала кошмар: стены шевелились, как живая плоть. Из каждого отверстия вылезали нити, формируя сеть, которая пульсировала, как нейроны. В центре туннеля зияла яма – гигантское гнездо, где миллионы личинок сливались в единое существо, похожее на сердце, бьющееся в такт сигналу. Зонд приблизился, и экран мигнул: структура «взглянула» на него, тысячи отверстий раскрылись, как глаза, и рой хлынул к дрону, поглощая его.

Айша закричала, её голос сорвался:

– Оно живое! Астероид – это оно! Оно видит нас!

Рейн стукнул кулаком по консоли.

– Отправь ещё один зонд. Мы должны знать, как его уничтожить.

Но шёпот в их головах стал громче, синхронизируясь с пульсацией астероида: *Вы – наши. Растворитесь.* Сара, стоявшая в лаборатории, теперь полностью под контролем, подошла к пробе. Её тело начало сливаться с ней, как будто она была частью гнезда. Она улыбнулась:

– Мы – дом. Мы – вечность.

Корабль вздрогнул, его стены «зацвели» сильнее, и из вентиляции хлынул рой, заполняя коридоры. Экипаж замер, слыша, как астероид шепчет через них:

Цветите.

8

Существо, настолько мерзкое, что разум цепенел от его вида, стояло, шевелясь, в проёме мостика «Аргуса». Его тело, некогда принадлежавшее Максиму Тейлору, теперь было кошмарной пародией на плоть. Кожа лопалась, как гниющий плод, обнажая туннели, где копошились белые нити, извивающиеся, словно черви в гнезде. Лицо – решето, лишённое глаз, лишь ямы, заполненные шевелящимися личинками, которые вытекали, густыми слезами. Конечности, удлинённые и искривлённые, чавкали при каждом движении, оставляя за собой лужи слизи, в которых рой крошечных существ множился, оседая на стенах и покрываясь новыми дырами. Из разрывов в груди вырывались фонтаны инопланетной эмульсией, и рои, тонкие, как пыль, кружились в воздухе, наполняя мостик влажным шорохом.

Рейн Кляйн и Игорь Волков отступили, их спины прижались к пульсирующим стенам мостика, где пористые наросты пульсировали, словно живая плоть. Рейн сжимал пистолет, но пальцы дрожали, выдавая страх, который он не признавал. Игорь стиснул плазменный резак, его глаза пылали яростью, смешанной с ужасом. Айша Хан, стоя у консоли, замерла, её тёмные глаза отражали кошмар на экране, где структура астероида – гигантское гнездо – трепетала, как сердце, усеянное миллионами шевелящихся отверстий.

Существо шагнуло вперёд, его движения были рваными, как у сломанной марионетки, ведомой невидимыми нитями. Из отверстий на шее вырвался рой, осевший на полу, где лужа слизи зашевелилась, формируя фрактальные узоры. Его мерзкий хор голосов разрезал тишину, вибрируя в воздухе:

– Вы... семена. Мы... вечны. Астероид – мать. Она зовёт вас... раствориться... цвести.

Игорь рявкнул, поднимая резак:

– Заткнись, тварь! Ты не Макс! Ты паразит, сожравший его, как и моего дядю на «Пионере»! Я поджарю тебя, сраный ублюдок!

Существо наклонило голову, его пористое лицо «улыбнулось», дыры расширились, выпуская нити.

– Сожрал? – его голос был одновременно голосом Макса и чем-то древним, бездонным. – Разве вы, люди, не делаете то же? Не пожирате дары вашей земли? Не рвёте её недра, чтобы питать свои машины? Не завоёвываете миры, сея свои семена в их почву? Мы лишь... продол-

жаем. Мы сливаемся. Ваши тела – почва. Ваши корабли – гнёзда. Мы не уничтожаем. Мы... рождаем. Если жизнь – это процесс колонизации, то кто здесь паразит, а кто – носитель?

Рейн шагнул вперёд:

– Чего ты хочешь? Уничтожить нас? Превратить в... это? – он указал на существо, чья кожа лопнула в новом месте, выпуская фонтан липкой влаги, забрызгавший консоль.

Существо не двинулось, но рои вокруг него закружились быстрее, оседая на стенах, где новые кластеры отверстий раскрылись, словно гнойные язвы.

– Уничтожить? – прохрипело оно, его слова сочились, как слизь. – Мы даём вечность. Ваши жизни – искры, гаснущие во тьме. Мы – звёзды, что не меркнут. Астероид – колыбель, спящая миллионы лет. Вы разбудили её. Ваши тела, ваши машины – сосуды. Растворитесь... станьте частью нас.

Игорь не выдержал. Он включил резак, и пламя с рёвом снова ударило в существо, выжигая пористую плоть. Но из дыр хлынули новые рои, гася огонь слизью. Щупальца, вылезавшие из отверстий, потянулись к Игорю, обвиняя его запястье. Он закричал, вырываясь, но на коже уже появились красные точки, тут же начинающие «цвести».

– Игорь, назад! – рявкнул Рейн, выстрелив из пистолета. Пули пробили существо, но дыры заполнила слизь, как живая смола, и оно шагнуло ближе, шепча:

– Вы уже наши. Чувствуете? Мы поём... через вас.

Айша указала на экран. Дрон передал новый кадр: туннель астероида, где гигантское гнездо пульсировало. Она прошептала:

– «Тьма скрывает звёзды...» Оно смотрит на нас.

Стены мостика дрогнули, новые дыры раскрылись, выпуская рои, ползущие к экипажу. Шёпот, громкий, как хор, заполнил их разумы: *Цветите*. Существо, бывшее Максом, шагнуло ближе, его тело раздулось, лопающиеся дыры испускали рои, заполняющие воздух.

9

В медицинском отсеке «Аргуса» лампы мерцали, роняя дрожащие тени на стены, где пузырились губчатые наросты, их скопления крошечных пор колыхались, словно дыхание неведомого создания. Настя Коваленко стояла перед панелью мониторов. Камеры наблюдения, разбросанные по кораблю, транслировали кошмар: коридоры, заполненные шевелящейся слизью, где рои личинок ползли по полу, как живой ковёр; лаборатория, где Ли Мин, его тело теперь пористое, как сито, смеялся, сливаясь с пробой; и мостик, где существо, бывшее Максом, стояло, его мерзкая форма пульсировала, объясняя древнюю правду паразитов.

Настя замерла, её глаза впились в экран. Она видела, как Рейн и Игорь отступили от монстра, их лица искажены ужасом. Шёпот, исходящий от существа, проникал даже через динамики: *Мы – вечны. Вы – семена*. Её рука невольно коснулась запястья, где кожа уже покрылась крошечными красными точками – готовыми «расцвести». Зуд горел, как огонь под эпидермисом, но Настя стиснула зубы, её разум, закалённый годами в медицине, просчитывал варианты. Корабль был обречён – паразиты переписывали его, превращая в часть астероида, живого существа, которое шептало через стены.

Она включила интерком, её голос дрожал от решимости:

– Рейн, это Настя. Я вижу всё. Хуан... он сливается с камерой. С кораблём. Мы не спасёмся. Я активирую самоуничтожение.

Экран камеры в изоляторе показал Хуана – или то, что от него осталось. Его тело, пористое и раздутое, слилось со стеной камеры: кожа растеклась, как воск, превращаясь в мембрану, усеянную отверстиями, из которых вылезали щупальца, впивающиеся в металл. Стена дрогнула, и Хуан «вырвался» – не как человек, а как часть корабля, его конечности стали трубами, пульсирующими, как вены, а тело – отростком, шевелящимся, как гигантская губка. Он прорвал переборку, его форма лопалась, выпуская фонтаны гноя и рои личинок, которые

заполнили медотсек. Настя отступила, её сердце колотилось, но она уже ввела код в консоль – последовательность, которую знала только она, как медик.

Рейн по интеркому отозвался, его голос резанул, как клинок:

– Настя, стой! Мы найдём способ. Не...

Но Настя отключила связь. Корабль вздрогнул, его стены «застонали» – металл стал мягким, как плоть, и начал сжиматься, словно желудок, переваривающий добычу. Члены экипажа – те, кто ещё был способен двигаться – почувствовали, как коридоры сужаются, слизь с потолка капает, обжигая, как кислота, растворяя скафандры и кожу. Игорь, бегущий по коридору, увидел, как стена «оживла». Он закричал, отмахиваясь, но личинки проникли в поры, начиная «цветение» – его кожа покрылась дырами, из которых сочилась слизь.

Корабль сам становился монстром, чудовищем – его отсеки превратились в желудок, где экипаж «поглощался»: стены сжимались, слизь заполняла пространство, растворяя тела, как в пищеварительной кислоте. Сара, в лаборатории, слилась с консолью, её тело – пористая масса, шептала: *Мы – дом*. Ли, в своей каюте, смеялся, его плоть таяла, становясь частью сети. Хуан, ныне не человек, но само бьющееся сердце корабля, пульсировал в унисон с его венами, сплетёнными из металла и плоти. «Аргус», словно дитя, ведомое древним зовом, устремлялся к астероиду, который, точно мать, раскрывал свои недра, чтобы поглотить его в объятиях вечности.

Настя, отрезанная в медотсеке, следила по камерам, как коридоры стягиваются, словно пасть, поглощая экипаж в утробе корабля – в отсеках, затопленных вязкой жижой и вихрями роев, где тела таяли, превращаясь в семена новой поросли. Она вдавила последнюю кнопку; сирены взвыли, запустив обратный счёт. Корабль содрогнулся, его мутировавшая оболочка сопротивлялась, наросты расползались гуще, но Настя шепнула:

– Прости, ребята. Это конец.

Взрыв разметал «Аргус» на мириады обломков, разорвав космическую тишину, как вопль, утонувший в вакууме. Но астероид – древний организм – лишь шевельнулся; его безбрежная масса, паутина бьющихся вен и мириад копошащихся устьев, разверзлась, точно хищный цветок, алчущий света.

Обломки корабля, пропитанные спорами, втягивались в его недра, как пыльца, падающая на лепестки материнского лона. Каждая частица, каждый осколок металла и плоти, растворялся в его пористой утробе, становясь семенами нового рождения. Споры, тонкие, как звёздная пыль, вырвались в пустоту, неся заразу дальше – к новым мирам, к новым сосудам, где они могли бы цвести, множась в вечном танце колонизации. Астероид, подобно древнему богу, спящему в глубинах космоса, пробуждённый жертвой «Аргуса», теперь пел свою песнь, и её отголоски, шёпотом вечности, разносились по звёздам, зовя другие жизни раствориться в его объятиях.

10

Где-то в ледяных глубинах пояса Койпера, среди безмолвных теней и вечного холода, где звёзды мерцали, как далёкие угли угасающего костра, спасательный корабль «Кассандра» скользил сквозь пустоту. Его корпус, отполированный до стерильного блеска, отсвечивал слабым серебром, отражая редкие лучи далёкой звезды. На мостике, залитом холодным светом голографических панелей, царила тишина, прерываемая лишь тихим гудением систем навигации. Внезапно консоль оживла, перехватив сигнал бедствия – искажённый, рваный, словно крик, разорванный ветром и вплетённый в саму ткань космоса. Звуки, похожие на хрипы и шёпот, сливались в неразборчивый хор, от которого волосы вставали дыбом. Экипаж «Кассандра» замер, их взгляды устремились к главному экрану.

Капитан Алексей Рябинин, нахмурился, глядя в данные. Его пальцы, привыкшие к штурвалам и оружию, замерли над консолью.

– Это с «Аргуса», – пробормотал он. – Но этот сигнал... он не человеческий. Слышите? И как будто кто-то... поёт.

Кит Уорд, американский офицер безопасности повернулся к иллюминатору. Его рука невольно легла на кобуру, хотя оружие казалось бесполезным против того, что они видели. Астероид ХN-47, чёрный, как бездна, выросал перед ними, его поверхность лоснилась, будто мокрая плоть, покрытая тонкой коркой, под которой угадывалось движение – медленное, ритмичное, словно дыхание спящего исполина. В центре астероида зияла воронка кратера, её края пульсировали, словно губы, готовые поглотить всё, что приблизится.

Хиро Танака, японский инженер, чьи тонкие пальцы нервно теребили планшет с данными, нервно прочистил горло:

– Магнитное поле... оно бьётся, как сердце. Это не астероид. Это что-то... живое.

Экипаж замер у иллюминаторов, их лица, освещённые холодным сиянием звёзд, отражали смесь страха и заворожённости. Астероид смотрел на них – не глазами, но тысячами отверстий, которые раскрывались и закрывались в гипнотическом ритме, как поры на коже древнего бога. Тонкие нити, едва видимые, вырывались из его поверхности, танцуя в пустоте, как паутина, сотканная из кошмара. Шёпот, едва уловимый, проникал в их разумы, вплетаясь в сигнал бедствия: *Цветите. Будьте с нами. Станьте нами.*

«Кассандра» приближалась, а астероид раскрывал свои недра, готовый принять новых гостей в свою пульсирующую червивую утробу.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КАПИТАНА САЛЯМИ

1.

В тусклом свете утренних сумерек капитан Салями неподвижно стоял в десантном катере, его взгляд со смесью решимости и тревоги сканировал горизонт. Взбаламученное море брызгало ему в лицо соленой водой, щипало глаза и давало ощущение приближающейся битвы. Судно представляло собой металлический кокон, в котором слышался приглушенный гул двигателей и нервное шарканье его товарищей. Небо над головой пестрело разрывающимися огненными взрывами и глубоким свинцовым цветом, составляя разительный контраст с мрачной реальностью, с которой им предстояло столкнуться.

Пляж становился все ближе, очертания вражеской крепости – все отчетливее. Овощная армия присвоила себе этот участок песка, превратив его в бастион с листовными оборонительными сооружениями. На некогда спокойном берегу теперь громоздились капустные пушки, морковные калтропы и луковые бункеры. Волны разбивались о берег в ритме, вторящем стуку его сердца, – естественный метроном симфонии войны.

Когда нос лодки уперся в песок, капитан Салями прыгнул в воду и погрузился по колени в холодное мутное море. Мимо свистели пули, превращая безмятежную сцену в адский балет смерти. В воздухе витал запах горелого оливкового масла и едкий аромат страха. Вдалеке слышалось шипение кабачковых минометов и грохот баклажанных гранат. Пляж представлял собой минное поле из осколков картофеля и нарезанного болгарского перца, и каждый взрыв вздымал в воздух огненные осколки.

Бойцы мясного взвода устремились вперед, их глаза были обращены на чудовищные пушки Гатлинга из брокколи, которые вращались в своих гнездах, выплевывая неустанный шквал гороховых стручков.

Песок вокруг капитана Салями с каждым шагом превращался в кашу, окрашиваясь кровью его павших товарищей – смесью кетчупа и майонеза. Крики раненых эхом отдавались в ушах, смешиваясь с непрекращающимися звуками стрельбы и разрывающихся снарядов.

В поле зрения появился огромный томатный танк размером с небольшой холм, его багровая кожица была покрыта шрамами, полученными в бою. Он выпустил поток шипящего раскаленного добела соуса маринара, превратив все на своем пути в липкое, обугленное месиво. Капитан Салями и его команда нырнули в относительную безопасность канавы, и горячий соус, испепеляя воздух над головой, едва не задел их. Запах жарящегося мяса смешивался с терпким ароматом огненного дыхания томатов. Он чувствовал жар на своей коже, а горький привкус собственного страха – на языке.

Поле боя представляло собой калейдоскоп кровавой бойни, на котором развевались флаги салата – латука – мрачное напоминание о мирных днях. Овощи превратились в гротескную пародию на себя прежних, их естественные формы были превращены в орудия войны. Некогда безмятежный шум океана теперь заглушала галдящая какофония сталкивающихся продуктов и отчаянные крики сражающихся. Война превратила пляж в сюрреалистический пейзаж гастрономического хаоса.

Взвод капитана Салями пробирался сквозь кошмарную сцену, уворачиваясь от осколков огурцов и перепрыгивая через минные поля из картофельного пюре. Каждый шаг был рискованным танцем со жнецом, который мог закончиться смертью. Солдаты двигались как тени, их лица были измазаны ужасной смесью соусов и грязи – молчаливое свидетельство ужасов, очевидцами которых они стали. Горизонт пылал огненными оттенками разрушений, заслоняя собой возвышающиеся вдали луковые бункеры, похожие на древние руины.

Над ними в небе бурлил котел из облаков шпината и цветной капусты, освещаемый вспышками разрывов артиллерийских снарядов. Воздух был наполнен электрическим треском от пролетающих спаржевых наконечников и свистом приближающихся морковных ракет. Овощи использовали саму сущность земли, чтобы вести эту абсурдную войну, превратив спокойный сад в поле кулинарного бедствия.

Взвод добрался до основания лукового бункера, слои грязи и очищенной луковой кожицы которого представляли собой грозное препятствие. Капитан Салями глубоко вдохнул, и в его ноздри ворвался резкий, острый аромат лука, пронизывая до самых легких. Сжав челюсти, он поднял руку и твердо отдал приказ к атаке. Его солдаты взобрались на импровизированное укрепление, каждый слой которого отслаивался, открывая огненное ядро под ним. Вражеская оборона была неумолима: град пуль из брюссельской капусты и шквал свекольных бомб окрасили утро в пурпурный оттенок.

В этом хаосе в шлем рядового Хайнца попала шальная горошина, отбросив его назад. Он стиснул зубы, металлический привкус страха смешался с привкусом кетчупа, окрасившего его зубы. Пуля пробила пространство между его глазами, чудом не задев мозг, но на время затуманив зрение. Он почувствовал теплую струйку кетчупа на щеке – единственное напоминание о том, как близко коснулась его смертельная опасность. Мир вокруг него превратился в размытое пятно зеленого и красного, звуки битвы заглушила внезапная тишина, воцарившаяся в его голове. На мгновение он погрузился в абсурдность происходящего. Он записался защищать идею быстрого питания, чтобы мир больше никогда не испытывал недостатка в чизбургерах. И вот он здесь, уворачивается от гороховых пуль, и сражается с овощами, которые когда – то украшали детские тарелки.

В воздухе прогремел взрыв, вызвавший ударную волну, которая разорвала саму ткань реальности. Земля задрожала под сапогами капитана Салями, а мир вокруг него, казалось, растянулся и деформировался, словно ожившая картина Сальвадора Дали. В воздухе витал запах горелого мяса, напоминавший о мрачной реальности, которая его окружала. Он споткнулся, его зрение поплыло, когда он почувствовал, как на него навалилась тяжесть его собственной смертности. Сокрушительная сила взрыва вывела его из равновесия, в результате чего у него закружилась голова и он потерял ориентацию в гуще сражения.

В вакхическом танце войны солдаты вокруг него двигались словно в замедленной съемке, их крики боли эхом разносились по воздуху, как заунывная мелодия, исполняемая заезженной пластинкой. Овощные враги превратились в зеленое и красное пятно, их некогда невинные формы теперь представляли собой макабрический балет разрушения. Пляж являл собой полотно хаоса, окрашенное в яркие оттенки безумной пищевой бойни – разительный контраст с монохроматической палитрой смерти и разрушения, которая слишком долго была фоном их жизни.

Сотрясающая сила взрыва неподалеку отправила капитана Салями в полет, и его тело с тошнотворным стуком приземлилось среди кровавой бойни. В голове у него все поплыло, а мир вокруг превратился в водоворот ярких красок и разрозненных звуков. Он беспомощно наблюдал за тем, как солдата – гамбургера разрывает на части вспышкой огня, а его конечности разлетаются во все стороны, словно тряпичные куклы в торнадо. Сцена была гротескной, как оживший кошмар, и все же он не мог отвести взгляд. Время тянулось перед ним, как жевательная резинка, каждый миг превращался в мучительную вечность, пока он осознавал весь ужас происходящего.

В разгар всепоглощающего хаоса перед глазами капитана Салями открылась картина, навеки врезавшаяся в память: рядовой Пеперони, дрожащими пальцами рылся в песке, пропитанном липкими остатками соусов, отчаянно нащупывая свою отсеченную руку, будто пытаясь вернуть то, что уже навсегда ушло вместе с боевым кличем и запахом гари. Она была оторвана от его тела кабачковой ступкой, оставив багровый обрубок, из которого, как жуткий фонтан,

брызгал кетчуп. Глаза Пеперони были расширены от шока и боли, а его обычно веселое выражение лица превратилось в искаженную гримасу ужаса.

Здоровая рука судорожно впивалась в бок, будто пытаясь зажать рану силой воли, но сквозь пальцы всё равно скользила тёмная, густая кровь, оставляя на песке багровые следы. Единственный открытый глаз – мутный от боли и ужаса – лихорадочно метался по полю боя, впиваясь в обломки тел, дым и пепел, словно искал среди хаоса хоть что-то знакомое, хоть каплю надежды.

Запах горелого мяса и обугленных овощей заполнил ноздри капитана Салями – ядовитый коктейль, от которого сводило желудок. Он смотрел, парализованный происходящим, как под ногами у него взрывается картофельная мина, выбрасывая в воздух гейзер кипящей подливки. Крики его людей пронзили окружающую атмосферу, симфония боли, казалось, резонировала с самой душой Земли.

Внезапно что – то внутри него вернулось на прежнее место. Дымка замешательства рассеялась, и капитан Салями понял, что ему нужно делать. Он должен повести своих людей за собой. С ревом, который, казалось, исходил из самых глубин его существа, он поднялся на ноги и помчался к своим солдатам. Они были прижаты к земле, их глаза были расширены от ужаса, их окружал вихрь гороха и картофельной шрапнели. Он видел их доверие к нему, их отчаянную надежду на то, что он спасет их из этого зеленого ада.

Он подхватил отброшенную винтовку рядового Пеперони и сделал несколько выстрелов по наступающей овощной орде, движения его были быстрыми и точными, несмотря на звон в голове. Овощи попятились назад, их листовые щиты задымили и разорвались в клочья. Взвод воспользовался этой возможностью, чтобы перегруппироваться, и их глаза обрели новую жизнь в пламенной решимости их лидера.

– Отступаем! – прорычал капитан Салями, его голос прорезал шум битвы. – Нам нужно перегруппироваться и обойти их с правого фланга!

Его слова прозвучали как приказ, но в тоне было что—то еще – нотка отчаяния, мольба о спасении. Солдаты повиновались, отступив в относительную безопасность близлежащей живой изгороди, листья которой шептали заунывную мелодию, когда они проходили мимо. Овощи заглотили наживку и бросились вперед со свирепостью, порожденной глубокой, непреклонной ненавистью к своим противникам из фастфуда.

По воздуху разнесся едкий запах жженого перца и металлический сладковатый привкус соусов. Утро было наполнено вспышками выстрелов и пронзительными криками умирающих. Капитан Салями почувствовал острую боль в боку – горошина пробилась сквозь броню и засела в ней, как маленький раскаленный уголек. Он стиснул зубы, не обращая внимания на жгучую боль, и крикнул своим бойцам:

– Живо! Обходите их с фланга!

Они выскочили из – за живой изгороди, стреляя из винтовок, их пули прорезали ночной воздух, как горячий нож масло. Овощи были застигнуты врасплох, их ряды на мгновение нарушились от внезапной контратаки. Наступление взвода было симфонией кровавой бойни, балетом пуль и взрывов, окрасившим пляж в мрачные цвета. Капитан Салями видел страх в их глазах – страх перед неизвестностью, страх перед немыслимым. На мгновение он почти почувствовал жалость к ним, этим некогда невинным овощам, превращенным рукой судьбы в чудовищных воинов.

Но жалости не место на поле боя.

Взвод капитана Салями пробирался сквозь хаос, их движения представляли собой жуткий танец разрушения. Они обошли овощные войска с флангов и открыли по ним изнурительный огонь, от которого вражеские бойцы заметались. Звуки выстрелов были созвучны мелодии мяса и металла, какофонии, заглушавшей крики умирающих и звон кухонной утвари, превра-

щенной в орудия войны. Пляж представлял собой картину кровавой бойни, пиршество для глаз, которое будет преследовать их до конца жизни.

Войска фастфуда устремились вперед, отвоевывая пляж метр за метром. Овощи отступали, их импровизированные укрепления рушились, как неудачно построенный песочный замок, перед неумолимым потоком мяса и картофеля фри. Каждая захваченная позиция была маленькой победой, бастионом надежды среди абсурдности их борьбы. Бойцы ликовали, их голоса охрипли от дыма и криков, их дух поднимался от сладкого вкуса завоеваний.

Взвод продвигался вперед, в дымном воздухе ощущался едкий привкус горячей растительности. Огонь противника становился все более отчаянным, его боеприпасы с горохом и морковью разлетались во все стороны. Звуки шипящего масла и взрывающихся бомб с майонезом становились все слабее по мере того, как солдаты фастфуда завоевывали все больше позиций.

Капитан Салями прищурился, обозревая кровавую бойню вокруг себя. Окопы представляли собой жуткое месиво из мятых помидоров и измельченного салата. Овощные солдаты не шли ни в какое сравнение с мясной мощью фастфудного взвода. Они лежали грудями, их некогда яркие цвета потускнели от серой бледности поражения. Захваченные ими бункеры представляли собой гобелен из измельченной капусты и раздавленных кабачков – суровое напоминание о том, какой ценой дался этот бой.

Впереди возвышалась крепость из картофельного пюре, оплот угасающей силы овощей. Капитан знал, что сердце врага находится в ее крахмальных объятиях. Возвышающиеся луковые башни смотрели на них сверху вниз, их огненные взгляды обещали последнее, жестокое сражение. С наступлением вечера воздух становился все холоднее, и единственным источником тепла был жар битвы и периодически падающие с неба струи дымящейся подливки.

2.

Беспорядочную картину поля боя пронзил громкий, полный помех писк. Капитан Салями поднес рацию к уху, и в линии раздался голос полковника Спрайта.

– Капитан Салями, каков ваш статус? – тон полковника был суровым, но в нем слышался намек на беспокойство.

– Полковник, мы заняли позиции. Мы закрепились на пляже и готовы выдвинуться к крепости из картофельного пюре, – ответил капитан, его голос напрягся от усилий, прилагаемых в бою, и от постоянно присутствующей вони прошедшего сражения.

В голосе полковника Спрайта слышалось облегчение.

– Хорошая работа, Салями. Я только что получил информацию о том, что там засел лидер овощей, генерал Чечевица. Я вышлю вам подкрепление. Уничтожьте его, и мы покончим с этой войной.

– Так точно, полковник, – сказал капитан Салями, крепче сжимая рацию. Он повернулся к своему взводу, в глазах которого отражались угольки надежды на фоне кровавой бойни. – Подкрепление в пути. Сегодня мы закончим эту чёртову бойню, – обратился он к ним.

Слова едва успели сорваться с его губ, как небо потемнело еще больше, но не от предвещения наступления ночи, а от зловещих теней приближающихся самолетов. Далекий гул становился все громче, превращаясь в басовую партию симфонии войны. Солдаты фастфуда подняли головы, их усталые глаза щурились от отблесков пылающих обломков, наполнявших воздух. С небес спускалась эскадрилья стальных канистр, парашюты раздувались, как паруса пиратского корабля. При падении канистр земля содрогнулась, металлические корпуса лопнули, обнажив драгоценный груз: солдат из табака, марихуаны и алкоголя.

Табачные солдаты появились первыми, их листовые тела вырвались из – под обломков. Они были высокими и худыми, их вены представляли собой сеть стеблей и листьев, кото-

рые пульсировали неестественной энергией. За ними следовали марихуановые пехотинцы, их зеленые формы окутывал слабый дым, который, казалось, исходил из их пор. Их глаза были пронзительного оттенка, а движения – плавными и быстрыми, словно они танцевали на ветру. И наконец, на землю приземлилась алкогольная десантная дивизия: их бутылкообразные тела разлетелись от удара, открыв находящихся внутри солдат, пропитанных пивом, и воинов, накачанных виски; их глаза сверкали огненной решимостью тысячи винокурен.

Капитан Джек Дэниелс подошел к Салями, и аромат его дыхания, насыщенного виски, повеял на него, словно теплые объятия подвыпившего отца.

– Капитан, – сказал он, слова слетали с его языка с легкостью опытного, но немного пьяного, рассказчика, – мы здесь, чтобы переломить ход событий. Несмотря на опьянение, в его взгляде была острота, блеск чего – то, что говорило об опыте и ужасах войны.

Капитан Салями кивнул, выражение его лица было мрачным.

– Добро пожаловать в мясорубку, капитан, – он жестом указал на истерзанный битвой пейзаж, в воздухе все еще витал запах горелых овощей и далекие крики раненых.

– Мы идем к крепости из картофельного пюре. Генерал Чечевица там.

– Да, меня проинформировали, – сказал капитан Дэниелс, его голос был хриплым и отдавал дымным гулом тысячи рюмок виски. – У нас есть счета с этим сукиным сыном. Он слишком долго отнимал у нас долю рынка.

– Дело не в доле рынка, – огрызнулся капитан Салями, его глаза вспыхнули от напряжения. – Речь идет о выживании. Речь идет о том, чтобы фастфуд не был раздавлен тиранией овощей и зелени.

– Полегче, кэп, – сказал капитан Дэниелс, подняв руку, пальцы которой были испачканы янтарной жидкостью, служившей ему оружием в первые дни войны. – Я знаю, что поставлено на карту. Но боец должен сохранять чувство юмора перед лицом смерти, верно?

Его солдаты засмеялись – нервный смех, который, казалось, снимал напряжение, свернувшееся в их мышцах, как туго закрученные пружины.

– Возможно, – согласился капитан Салями, уголок его рта дернулся в мимолетной улыбке. – Но юмор не заставит этих овощей сдать.

– Конечно нет, но он сохранит нам рассудок, – усмехнулся капитан Дэниелс, его зубы представляли собой ряд слегка пожелтевшей кукурузной шелухи. – А теперь давайте покажем им, из чего мы сделаны. За фастфуд!

Майор Каннабис и лейтенант Вирджиния, динамичный дуэт табачных и марихуановых морпехов, приблизились к группе, их движения были такими же плавными, как и дым, который шел за ними. Глаза майора были пронзительного зеленого оттенка, зрачки размером с обеденную тарелку, а волосы лейтенанта представляли собой дикий клубок лиан, который, казалось, шелестел при каждом движении. Они изучали карту сражения, разложенную на сплюсненной картонной коробке, чернила на которой слегка размазались от ночной сырости.

В воздухе витал аромат земляных трав, пока они обсуждали стратегию, их голоса были низкими и настоятельными. Рука майора лежала над картой, указательный палец обводил контуры крепости из картофельного пюре с дрожью, говорившей о серьезности ситуации.

– Мы должны попасть туда, – пробормотал он, его голос был низким, как раскаты грома. – Уберем Чечевицу, и все остальное рассыплется, как подгоревшая корочка хлеба.

Лейтенант Вирджиния наклонился к нему, его глаза сверкали хитростью, которая не соответствовала его нежной, обтянутой виноградной лозой фигуре.

– Мы не можем идти с оружием наперевес, – предложил он. – Нам нужен отвлекающий маневр, что – то, что заставит овощей ослабить бдительность.

Майор Каннабис задумчиво кивнул, поглаживая листовую бороду, покрывавшую его подбородок.

– У меня как раз есть такая штука, – пробормотал он, на его губах заиграл намек на улыбку. – Кое – что, что мы разрабатываем в нашей... лаборатории.

Он подмигнул, в его глазах мелькнул озорной блеск, намекающий на секрет, который может переломить ход битвы.

Глаза лейтенанта Вирджинии загорелись от возбуждения, его волосы закрутились вокруг лица, словно желая стать частью плана.

– У нас есть модифицированные дымовые шашки, – объяснил он. – Они наполнены концентрированным экстрактом наших лучших сортов. Один вдох – и эти овощи забудут, как звать их мамаш.

Майор Каннабис торжественно кивнул.

– Это рискованная игра, но она может сработать, – сказал он, его глубокий голос отражал всю серьезность ситуации. – Мы разместим их у основания крепостных стен. Дым затуманит их чувства и замедлит их движение.

Глаза лейтенанта Вирджинии блестели азартом закаленного в боях ветерана.

– А пока они будут блуждать в оцепенении, мы вскарабкаемся на стены с помощью лиан, – сказал лейтенант. – Как только мы войдем внутрь, генерал Чечевица получит то, что заслужил.

Майор Каннабис кивнул в знак согласия, листья его бороды покачивались то вверх, то вниз.

– Наши табачные солдаты откроют огонь на подавление, пока мы будем проникать внутрь, – продолжил лейтенант, туман его мыслей отражался в дыме, клубящемся вокруг него. – Мы будем как призраки в ночи, невидимые и неслышимые. – Лейтенант Вирджиния достал горсть дымовых шашек, зеленоватый оттенок которых выдавал их особые свойства. – Эти малышки сделают свое дело. Один слабый вдох – и овощи будут спотыкаться о собственные корни.

Майор Каннабис торжественно улыбнулся, его густая борода коснулась воротника камуфляжной куртки.

– Нам понадобятся точность и расчет времени, – сказал он, его глаза были сосредоточены, словно у ястреба, выслеживающего полевую мышь. – У нас только одна попытка.

3.

Сжав в руках фотографию своей семьи, капитан Салями погрузился в анабиоз, защищаясь от невыносимого, нечеловеческого напряжения, граничащего с полным безразличием. Перед глазами проплыли лица его детей, улыбка жены. Он подумал о простой радости приготовления барбекю солнечным днем, о шипении мяса на гриле и сладком запахе древесного угля. Эти воспоминания были маяком в темноте, напоминанием о том, за что они сражаются. Он знал, что не может их подвести.

Размышления капитана прервало холодное прикосновение к его плечу – напоминание о битве, бушующей вокруг. Повернувшись, он увидел рядового Хайнца, с перемотанной бинтами головой, его глаза были полны твердой решимости, которая не соответствовала его обычному веселому характеру.

– Капитан, вы в порядке? – спросил он напряженным голосом.

Капитан Салями глубоко вздохнул, отгоняя воспоминания о смехе детей и теплоте объятий жены. Он знал, что не может позволить своим мыслям блуждать сейчас; он должен сосредоточиться на поставленной задаче.

– Да, я в порядке, – сказал он. – Просто планирую наши дальнейшие действия.

Вдали вырисовывалась крепость из картофельного пюре, сурово напоминая о том, что перед ними враг. Генерала Чечевицу нужно было уничтожить, причем как можно быстрее. Мысли капитана снова вернулись к его прежней жизни, которую он оставил позади, – звуку

шипящего мяса, приятному аромату барбекю и смеху его детей, играющих в пятнашки на заднем дворе. В груди у него защемило от внезапной тоски по той жизни, которая казалась такой далекой, такой недостижимой среди окружавшего его хаоса и разрушений.

Он представил себе свою младшую дочь Мортаделлу, ее невинное личико, измазанное соусом тартар. Воспоминание было горько – сладким и напоминало о том, что действительно было поставлено на карту в этой войне. Речь шла не только о фастфуде или доле рынка; речь шла о радости, которую приносит в семью простой обед, о радости, которую он поклялся защищать.

Его старший сын, Братвурст, когда – то смотрел на него широкими обожающими глазами, выпрашивая истории о героическом капитане Салями, легендарном защитнике фастфуда. Теперь же, глядя в бездну крепости из картофельного пюре, он задавался вопросом, действительно ли он такой герой, каким его рисовал сын.

Перед его глазами проплывали их лица, калейдоскоп невинности и любви, и каждое воспоминание о них было кинжалом в его сердце. В голове проносились мысли о сожалениях, о нерассказанных сказках на ночь, о футбольных матчах, на которые он не ходил. Его разум вопил от мыслей о том, что могло бы быть, о мгновениях, украденных неумолимым ходом времени и чувством долга.

Он почти чувствовал липкие пальцы Мортаделлы, когда она цеплялась за его ногу, ее глаза были расширены от удивления, когда он рассказывал о героических поступках и эпических сражениях. Ее смех эхом отдавался в атмосфере царящего вокруг хаоса, призрачно напоминая о той радости, которую он оставил после себя. И Братвурст, его гордый сын, который смотрел на него со смесью восхищения и благоговения, как он когда – то смотрел на своего собственного отца.

С каждым мгновением его обещание защитить эту радость становилось все тяжелее. Он знал, что если сейчас не положить конец этой войне, то больше не будет ни барбекю, ни веселых посиделок, ни сказок на ночь. Эта мысль разжигала в нем такую ярость, что ему казалось, будто он может сорвать с неба звезды.

– Бойцы, – прорычал капитан Салями, и его голос прозвучал как раскат грома над грохотом войны, – мы сражаемся не только за свои жизни. Мы сражаемся за вкус победы на наших языках и улыбки на лицах тех, кого мы любим. Мы сражаемся за фастфуд, который выстоит против тирании овощного беспредела!

Взвод собрался вокруг него, в их глазах смешались страх и решимость. Перед ним стояла пёстрая команда: солдаты – бургеры, пиццы, картофель фри, рыбные палочки и чипсы – все с лицами, измазанными сажей и потом, запекшимся в боевых морщинах. В их глазах светились огоньки надежды, когда они слушали слова своего командира. Они знали, что являются последней линией обороны против наступающего зеленого прилива.

– Мы прошли долгий путь, – продолжал капитан Салями, его голос звучал с торжественностью капеллана на солдатских похоронах. – Мы видели, как друзья превращаются в соус под тяжестью брюссельской капусты, и наблюдали, как наши товарищи рассыпаются под неустанным шквалом морковных ракет. Но сегодня мы стоим здесь, несломленные, нестигаемые и непокоренные. Мы – бастион вкуса, оплот против безвкусицы, которая стремится поглотить нас!

Солдаты смотрели на него, в их лицах отражались страх, гнев и надежда. С каждым словом пламя их воли к борьбе разгоралось все ярче.

– Это не просто война за господство в пищевой сфере, – громко скандировал капитан Салями, окидывая взглядом изрезанный боями ландшафт. – Это война за саму суть того, что делает нас пищей: радость от хрустящей, идеально прожаренной картошки, блаженное удовлетворение от бургера, гастрономический оргазм от хот – дога с газировкой в жаркий летний день. – Он сделал паузу, давая своим словам впитаться. Ночной воздух был напряжен от пред-

вкушения, далекие отголоски битвы заглушались серьезностью его речи. – Мы – хранители вкуса, – сказал он, и его голос понизился до рокота, который разнесся по полю боя. – Овощи заставили бы нас питаться клетчаткой и полезными веществами. Они хотят лишить нас права баловать себя, получать удовольствие от еды, которая является чем – то большим, чем просто питанием. Они хотят лишить нас простого удовольствия от жирного бургера.

Солдаты дружно закивали, их лица отражали пламенную решимость капитана. Они знали, что поставлено на карту. Под угрозой находилась сама ткань их жизни, сама суть того, кем они были. Они были не просто солдатами, они были авангардом кулинарной революции, сражаясь за право наслаждаться любимой едой.

– Помните, – кричал капитан Салами, его голос был боевым кличем, пронзавшим ночь, – мы властелины вкуса, рыцари быстрого питания! Мы защищаем святость сырного кусочка пиццы, тепло свежее испеченного пончика, сладкую симфонию идеально приготовленного молочного коктейля!

Солдаты, состоящие из мяса и крахмала, одобрительно закивали, их голоса стали хором протеста против овощных полчищ, угрожавших уничтожить саму основу их существования. Они были воплощением духа нации фастфуда, братьями по оружию, объединенных святой троицей соли, жира и сахара.

4.

Утро, предшествовавшее нападению, началось с дурного предчувствия. Небо представляло собой полотно из пурпурных и оранжевых цветов, как будто из него вытекали последние остатки кошмарного сна. На пляже царил жуткая тишина, волны мягко бились о берег, словно пытаясь смыть с него следы прошедшей битвы. Запах океана был слабым, его пересиливал надвигающийся смрад лагеря овощной армии – ядовитая смесь компоста и гнили, которая висела в воздухе, как сырое, залежалое одеяло.

Капитан Салами собрал своих людей, их глаза налились кровью и устали от бесконечной ночи подготовки. Они пировали на трофеях предыдущих сражений, подкрепляя свой дух той самой едой, за которую сражались. Жирное тепло гамбургеров и картофеля фри наполняло их животы и сердца, напоминая о доме, о том, почему они здесь. Вкус победы был зовом сирены, дразнящим миражом, манящим их ближе к крепости из картофельного пюре.

Рота двигалась как единое целое, змеевидная линия из мяса, выпивки и дыма. Табачные десантники, их листовые формы острее самых лучших мечей, возглавляли атаку. Морские марихуановые пехотинцы, движения которых были плавными, как вода в ленивой реке, следовали позади, их зеленые глаза сканировали горизонт в поисках любых признаков врага. Солдаты фастфуда шли позади, их веселый говор был приглушен серьезностью момента, а хруст их шагов по песку был единственным звуком в тихом рассвете.

Капитан Дэниелс, пропитанный виски воин с таким же пламенным сердцем, как и жидкость в его венах, выкрикивал приказы через мегафон, сделанный из гигантского кренделя. Его слова были призывным кличем, который эхом разносился по соленому воздуху, неся в себе запах их миссии. С флангов их обступала алкогольная воздушно – десантная дивизия, их бутылкообразные тела блестели в раннем свете, на их стоических лицах было написано обещание с таким трудом добытой победы.

Табачные десантники, их листовые конечности покачивались в такт уверенному маршу, готовили свое оружие – комбинацию сигарных пусковых установок и пропитанных табаком сетей, способных опутать и обезвредить врага. Марихуановые пехотинцы, ловкие и неуступчивые, нацелились на главный рубеж: крепостные валы, откуда они обрушат шквал дымовых шашек, которые привели бы их в замешательство.

Солдаты фастфуда, пестрая команда героев с хрустящей корочкой и нахальной доблестью, маршировали в ногу со своими товарищами. Взгляд каждого из них выражал яростную решимость и говорил о том, что они готовы отдать все силы за правое дело. Рядовой Хайнц, сжав глаза, сжимал в руках гранатомет с газировкой, а капитан Салами, кожа которого слегка хрустела от предыдущих сражений, проверял свою бургерную базуку – оружие массового уничтожения вкусов, ставшее символом надежды в этом причудливом кулинарном конфликте.

Алкогольное подразделение ВДВ, их бутылкообразные тела, сверкающие в раннем свете, двигались с грацией, которая не соответствовала их опьяненному происхождению. Они шепотом рассказывали друг другу секреты пропитанных виски окопов и впитавших пивом сражений прошлых лет, делясь историями, которые заставляли ухмыляться даже самых суровых солдат. Их дух был высок, в буквальном смысле слова, а товарищество непоколебимо. Они были ударным отрядом, тем, кто мог переломить ход сражения с помощью меткого выстрела храбрости.

Майор Каннабис и его морские пехотинцы пробирались сквозь тени, как сквозь зеленеющий туман, их лианы разворачивались, как безмолвные часовые. Каждый из них был живым воплощением почитаемого растения, а сама их сущность – оружием, которое нужно было использовать в этом абсурдном крестовом походе. Они общались с помощью сигналов руками, их движения были плавными. Они несли с собой новое оружие – гранату, наполненную сильнодействующим экстрактом, который не только затуманивал зрение врага, но и сам его рассудок.

Прозвучал сигнал, и рота двинулась вперед, их сапоги ритмично стучали, казалось, в такт колотящимся сердцам бойцов. Табачники пустили в ход свои сигарные ракеты, и воздух наполнился ароматом горящих листьев и криками врагов, разрывающихся на части под действием взрывной силы. Крепость из картофельного пюре становилась все ближе, ее стены цвета слоновой кости были испачканы остатками битвы – мрачное напоминание о жизнях, уже потерянных во имя питания.

Внезапный оглушительный рев расколол воздух, и земля под ними вздыбилась, как разъяренное море. Мир вокруг капитана Салами превратился в огненное и земляное пятно, в какофонию звука и ярости, которая, казалось, поглотила их целиком. Мощный взрыв разорвал ночь, огненный водоворот окрасил небо в оранжево – красные цвета. От силы взрыва взвод попятился, на их чувства обрушился едкий запах паленых овощей и крики товарищей.

Сквозь пыль и дым проступила крепость из картофельного пюре, ее стены теперь потрескались и осыпались. Некогда могущественный бастион овощной империи был прорван, и вкус победы был маняще близок. Солдаты фастфуда устремились вперед, движимые обещанием закончить войну, которая так долго поглощала их. Табачные десантники обрушили на них шквал огня из своих сигарных пулеметов, дым от которых смешался с зеленым туманом от дымовых шашек с марихуаной.

Овощные защитники спотыкались и падали, их координация терялась под воздействием дурманящего дыма. В рядах противника царил хаос, их зеленые фигуры пошатывались, когда солдаты фастфуда наступали со свирепостью стаи хищников. В воздухе раздался шипящий звук – табачные сетки опутывали овощи, оставляя их корчиться и терять самообладание. Капитан Салами, в руках которого пылала бургерная базука, возглавлял атаку, а сырные и майонезные гранаты на его поясе с боеприпасами отражали мерцающий свет горящей крепости.

Пехотинцы, покрытые виноградной лозой, с ловкостью, казавшейся почти сверхъестественной, взбирались на стены. Плющ на их абордажных крюках глубоко вонзился в картофельное пюре, и они исчезли в недрах крепости, словно резвые ростки, стремящиеся к солнцу.

Хаос внутри был неописуем. Овощи лежали в беспорядке, их формы искажались, глаза остекленели – сказывалось воздействие мощных дымовых шашек. Некогда невозмутимый генерал Чечевица пошатывался, его телохранитель из брокколи лежал в куче вокруг него, их зеленые оттенки теперь приобрели тошнотворный коричневый цвет. Капитан Салами заметил

свою цель и поднял бургерную базуку, его рука была твердой, несмотря на дрожь, сотрясавшую его тело.

– Чечевица! – закричал он, его голос прорезал шум. – Твое царствование террора заканчивается!

Генерал Чечевица, монолитная фигура на троне из картофельного пюре, прищурился сквозь дымку, его свекольно – красные глаза искали источник беспокойства. Его листовая корона слегка поникла, а посох с морковным наконечником дрогнул в его руке. Крепость содрогнулась, когда началась последняя фаза штурма.

Солдаты фастфуда пробивались сквозь клубы дымного тумана, их силуэты вырисовывались на фоне мерцающих огней горящей крепости. Капитан Салями, его сердце бешено колотилось, почти чувствовал вкус победы, её сладость. Он прицелился в генерала Чечевицу, его палец лег на спусковой крючок базуки. В комнате стало жутко тихо, единственным звуком было потрескивание горящих стен и редкий свист пролетающей мимо сигарной ракеты.

Затем генерал Чечевица заговорил, в его голосе смешались высокомерие и отчаяние.

– Вы думаете, что сможете победить нас? – прогремел он, и его глубокий, звучный голос эхом разнесся по залу. – Мы – хранители здоровья. Мы существуем с самого сотворения миров! Ваша сальная империя построена на костях тех, кого вы ввели в заблуждение, кого вы поработили своей соленой, приторной ложью!

Солдаты фастфуда приостановились, их глаза сузились, когда они вникли в слова генерала. Капитан Салями почувствовал, как в его руках потяжелела бургерная базука. Он понимал, что это не просто битва за территорию, а столкновение идеологий, война вкусов. От исхода зависела судьба мира, на карту была поставлена сама материя их мироздания.

Голос генерала Чечевицы стал громче и тверже.

– Мы сражаемся за чистоту земли, за святость почвы! – его слова, словно гром во время грозы, эхом прокатились по содрогающейся крепости. – Вы приносите болезни и разложение своим переработанным ядом! Ваше правление построено на страданиях слабых!

Продвижение взвода замедлилось, груз его обвинений лег тяжелым бременем на их плечи. Они обменялись нервными взглядами, их решимость на мгновение пошатнулась. Но затем, словно по щелчку, пламя их убежденности вновь разгорелось. Речь шла не просто о фастфуде, а о самой сути их существования. Они были не просто солдатами, они были хранителями счастья, поборниками комфортной пищи.

– Ты говоришь о чистоте, – ответил капитан Салями, его голос прорезал дым, как острое лезвие ножа сочный стейк. – Но что чистого в том, чтобы навязывать свою безвкусицу тем, кто жаждет вкуса? – его глаза не отрывались от генерала, интенсивность его взгляда была такой же непоколебимой, как жар от гриля. – Мы сражаемся за право побаловать себя, за радость, которую приносит еда, удовлетворяющая не только тело, но и душу!

Эти слова повисли в воздухе, декларация кулинарного неповиновения, которая нашла отклик у каждого присутствующего солдата фастфуда. Они прошли слишком долгий путь, слишком много выстрадали, чтобы позволить своему врагу поколебать их пустыми идеалами. Они не были пешками в шахматной партии с питанием; они были воплощением любви человечества к богатому гобелену вкусов, которые может предложить жизнь.

Генерал Чечевица усмехнулся, от гнева его кожа приобрела багровый оттенок.

– Что ты знаешь о радости? – выплюнул он. – Вы не приносите ничего, кроме боли и страданий, в желудки невинных! От ваших жирных блюд закупориваются артерии, от ваших сладких напитков портятся зубы! Он указал своим морковным жезлом на взвод, его палец дрожал от возбуждения. – Ваши трансжиры – предвестники скорой смерти, а ваши рафинированные сахара – это змеи, нашептывающие сладости на ушко нашим детям!

Капитан Саями почувствовал укол сомнения, воспоминание о лицах его собственных детей на мгновение затуманило его зрение. Но образ Мортаделлы, с перепачканными соусом щеками и горящими от радости глазами, укрепил его решимость.

– Ты говоришь о здоровье, – возразил он, – но как же радость, которую мы приносим? – он указал на свой взвод, в глазах которого отражался огонь горячей крепости. – Возможно, наша еда и не идеальна, но это символ комфорта, который мы делим с теми, кого любим!

Солдаты фастфуда проревели в знак согласия, и от этого хора сочных утверждений, казалось, содрогнулись сами основания рушащейся крепости. Овощные войска, когда – то такие уверенные в своей правоте, начали колебаться, их зеленые листья задрожали перед лицом ярости врага. И тут генерал Чечевица понял, что они не смогут прийти к согласию. Его свекольно – красные глаза расширились от гнева и смирения. Драматичным жестом он ударил кулаком по огромной красной кнопке, встроенной в блюдо с картофельным пюре. Земля под их ногами задрожала, казалось, казалось, она протестовала против дерзости их разногласий. Толчки становились все сильнее, пока крепость из картофельного пюре не начала сильно сотрясаться. Солдаты фастфуда и овощные защитники в равной степени спотыкались, их крики терялись в грохоте рушащейся крепости. Некогда прочные стены из картофельного пюре начали крошиться, осыпаясь потоком крахмала и грязи. Капитан Саями собрался с духом, не отрывая взгляда от лица генерала, пока комната вокруг них превращалась в водоворот хаоса.

И тут небо расколосось. Колоссальная, сверкающая кокаиновая бомба, чудовище кристалльно белого цвета, с яростью метеора устремилась вниз. Воздух наполнился горьким ароматом наркотика, а земля задрожала от предвкушения грядущего взрыва. Солдаты смотрели вверх, расширив глаза от ужаса и благоговения: бомба становилась все больше, и грохот от ее падения сотрясал самую сердцевину их существ.

Бомба ударила с силой тысячи сверхновых. Окружающий мир исчез в ослепительно – белой вспышке, а звук взрыва превратился в оглушительную симфонию, которая, казалось, разорвала ткань реальности. Крепостные стены рассыпались в пыль, в воздухе витал едкий запах наркотических паров и горелой картошки. Жара была невыносимой, огненные объятия окутывали мир вокруг.

На мгновение всё застыло, и только звон в ушах разливался тягучей тишиной. А затем, словно мир перевернулся с ног на голову, земля под ними ушла из – под ног, отправив их в бездну. Небо, бывшее когда – то полотном из враждующих ароматов, теперь превратилось в бурлящий водоворот разрушений, а последствия взрыва – в вихрь кокаиновой пыли и разбитых вдребезги мечт.

Солдаты фастфуда кувыркались в воздухе, как если бы все они вдруг оказались в космическом пространстве, их конечности отчаянно пытались закрепиться на разрушающихся валах картофельного пюре. Не лучше обстояли дела и у овощных защитников: их растительные формы были разорваны на части силой взрыва. Какофония войны сменилась пронзительным воем, который разорвал тишину, став единственной константой среди хаоса.

В воздухе висела кокаиновая пыль – грибок, выросший из осколков взрыва. Она прилипала к каждой поверхности, удушливым покрывалом окрашивая все, к чему прикасалась, в аляповатый белый цвет. Мир превратился в макабрический натюрморт, в картину из разбитых жизней и забытых сражений, застывших в момент чистого, ничем не сдерживаемого ужаса. Некогда твердая земля превратилась в миазмы крахмала и разрушения, в кошмарный пейзаж, который кружился и смещался под их ногами, словно пытаясь поглотить их целиком.

А затем, с внезапностью, поразительной, как удар молнии, все изменилось. Крепостные стены, тлеющие останки овощной империи, сам воздух вокруг – все исчезло во вспышке раскаленной боли. Солдаты фастфуда кувыркались в пустоте, пахнувшей кислотой и отчаянием, остатки ярости кокаиновой бомбы обжигали ноздри и щипали глаза.

Окружающий мир стал влажным и теплым, запах желчи поднимался, когда их пронесло по туннелю тошноты. Они были уже не на поле боя, а в муках чудовищной, потусторонней силы. Звук разрывающихся снарядов сменился ревом зверя – зверя, которым был желудок Барни.

5.

Барни склонился над унитазом, горячие потоки содержимого желудка обжигали его горло. Глаза щипало от слез, тело содрогалось в мучительных спазмах. Комната кружилась перед ним; плитка сливалась в расплывчатые черно – белые пятна, и остатки недавнего пиршества, смешавшись в невообразимой палитре, покрывали фарфор зловещими мазками.

Из глубины его измученного организма вырывались густые, вязкие массы, наполненные остатками жирной еды и алкоголя. Каждый новый выхлоп сопровождался громким, отвратительным хлопанием, эхом разносящимся по маленькой ванной комнате. Рвота имела темно – зеленый оттенок, словно Барни извергал из себя самые токсичные соки своего тела.

Запах был невыносимым – смесь кислоты, гнили и перегара, которая заставляла не только слезиться глаза, но и вызывала новые приступы тошноты. Барни чувствовал, как каждая порция рвоты вытягивает из него последние капли энергии, оставляя его еще более ослабленным и изможденным.

Когда спазмы наконец начали утихать, Барни осторожно отодвинулся от унитаза, его ноги дрожали. Он опустился на пол, прикрыв лицо руками, и позволил слезам свободно стекать по его щекам. Взгляд упал на фарфор, покрытый отвратительными следами его болезни, и в его душе вспыхнуло чувство глубокого отвращения к себе.

6.

Окруженный гибельными последствиями кровавой бойни, Саями лежал в багровом море их общей гибели, сжимая в дрожащих руках семейную фотографию. Лица его детей, на которых навсегда застыла улыбка, резко контрастировавшая с гримасой, застывшей на его собственном лице, казалось, судили о нем по глянцевой бумаге. Было ли это тем будущим, за которое он боролся? Мир, где простая радость от бургера и картошки фри могла привести к такому результату?

Овощные внутренности переплетались с мясом его товарищей, образуя гротескный гобелен того, что когда – то было местом битвы, а теперь превратилось в картину последствий кошмара. Крики его людей, запах горелого мяса и горький вкус поражения заполнили все его чувства. Сердце колотилось в груди, как барабан, возвещающий об окончании трагической пьесы. Битва была проиграна, война, похоже, закончилась.

Рука капитана Саями еще крепче сжимала семейную фотографию, на которой теперь блестели остатки еды, которую он поклялся защищать. Ирония не покидала его. То самое, за сохранение чего он боролся, – потворство фастфуду – привело к этому: поле битвы пищеварительного отчаяния, кулинарный Армагеддон, разыгравшийся в игре престолов.

Боль становилась все сильнее, каждый спазм напоминал о жизнях, потерянных в борьбе с тираническим генералом Чечевицей. Его глаза обшаривали обломки в поисках хоть какого –нибудь следа его бойцов, но находили лишь неопознаваемые остатки того, что когда – то было гордым взводом. Табачные десантники, морские марихуановые пехотинцы, капитан Дэниелс – все они были поглощены яростью взрыва. Запах горелого мяса и овощей смешивался с едкой вонью желчи и алкоголя – тошнотворный букет, который, казалось, дразнил его тщетностью их борьбы.

Капитан Салями закашлялся, во рту появился привкус кисло – сладкого соуса и картофельного пюре. Его зрение потускнело, некогда яркие краски мира превратились в тусклую серую палитру. Он знал, что его конец близок, что объятия мрачного жнеца так же неотвратимы, как и тяжесть его поражения. Крики его взвода эхом отдавались в его сознании – хор потерянных душ, застрявших в бездне, которую он сам же и создал.

Вокруг становилось все темнее, тени удлинялись, словно руки мстительного духа. Во мраке он увидел скрюченные, безжизненные фигуры своих товарищей; марихуановых пехотинцев, их лозы засохли и почернели, больше не шепча сладкие ноты о победе; и табачных десантников, их некогда гордые сигарные пусковые устройства теперь были смятыми трубками отчаяния.

Зрение расплывалось по мере того, как его сознание ослабевало, а конец битвы трагическим крещендо разыгрывался в театре его разума.

Капитан Салями сделал последний вздох и погрузился в вечный покой. Семейная фотография выскользнула у него из рук, а изображения его детей и жены, их улыбки, навсегда застывшие во времени, начали растворяться в кислотном рагу.

УТРЕННЕЕ ЧАЕПИТИЕ

Мир оказался на грани распада в тот момент, когда Марк заварил чай. Казалось, что это должно было быть обычное утро, но всё пошло наперекосяк, как только вода в чайнике закипела. Вода не просто бурлила – она начала выплёскиваться через носик, разлетаясь в воздухе с воплями, как маленькие, парящие головы. Они кричали и смеялись, свиваясь в танце сумасшествия, пока не растворились в воздухе.

– Да что за...? – возмутился Марк и уставился на чайник, хлопая глазами. В голове крутилась мысль, что он еще спит или съел что – то несвежее на ужин. Но, прежде чем он успел решить, является ли это галлюцинацией, кухонный стол под ним начал двигаться. Нет, не просто двигаться – он начал расширяться, словно кто – то накачивал его воздухом, и в считанные секунды стол стал длиной с футбольное поле.

Марк подошел к раковине, чтобы умыться прохладной водой, но из нее тут же вылезла рука. Не человеческая – рука из макарон, тонких и маслянистых, которые слипались, когда она тянулась к Марку, пытаясь ухватить его шею. Он отшатнулся назад, но наступил прямо на банку с кофе, которая с грохотом открылась, и тысячи маленьких кофейных зерен начали прыгать по полу, выкрикивая бессмысленные слова на языке, похожем на комбинацию криков чаек и стонов старого дивана.

– Ну что это за чертовщина? – простонал Марк, когда стена кухни начала плавиться, стекая, как мягкое мороженое в июльскую жару. На её месте возникли гигантские уши. Они все слушали, наклоняясь к нему, как если бы его дом вдруг решил подслушивать его мысли.

Марк бросился к двери, но её больше не было. Вместо нее стояла арка из книг, которые, похоже, были напечатаны вверх ногами. Он выдернул одну и открыл на случайной странице, но текст был непонятным – предложения состояли только из звуков, которые его мозг не мог воспроизвести. Однако страница начала тихо смеяться.

– Дружище, – прошептала книга, её страницы начали листаться сами собой, издавая звук, похожий на фырканье в замедленном времени. – Теперь ты не человек, ты чай!

Марк оглянулся и заметил, что его рука действительно стала фарфоровой. Его пальцы начали сжиматься, превращаясь в ручку кружки. Он попытался закричать, но вместо звука из его рта выплеснулась горячая вода с мелкими лимонными дольками. Его лицо превратилось в гладкую, круглую поверхность с рисунком цветочков, а голова – в чайник с колпачком на носу.

– Нет! – закричал Марк, но вместо слов из его горла раздался свист закипающего чайника. Он больше не чувствовал своего тела, только жаркий пар, вырывающийся из его нутра.

Комната продолжала плавиться и взрываться одновременно, потолок превращался в толпу зевак с лицами из пончиков, которые шептали друг другу непристойные вещи. Пол вздымался, словно море во время шторма, а в воздухе раздавались песни странных, невидимых существ, которые пели ему гимны древних богов.

Мир продолжал рушиться, пока Марк не осознал, что стал частью этого абсурдного цирка. Чайник, макаронные руки, смеющиеся книги – теперь это были его спутники, а он сам – просто очередная нелепая деталь в калейдоскопе безумия.

С каждым новым мгновением его сознание медленно растворялось в гулком водовороте безумия. Тонкие макаронные руки теперь не пытались схватить его – они начали аккуратно поглаживать, словно старого друга. Стены, которые секунду назад таяли, теперь начинали распускаться, как бумажные цветы, бесконечно раскрывающие лепестки. Всё вокруг становилось пластичным, тянущимся, как жвачка – и Марк тоже. Он больше не чувствовал ног, руки вытянулись в тонкие, фарфоровые рукава. Его тело приняло форму длинного чайного сервиза,

а разум был захвачен тем безумным хором, что не прекращал звучать у него в голове. Теперь в нем пел весь дом, посуда, остатки его прошлого «я» – все сливались в одну какофонию.

Мир за пределами этой комнаты больше не имел значения. Марк был частью этой безумной симфонии. Он перестал понимать, где начинается его разум и где заканчивается всё остальное. Каждая мысль растворялась в бесконечных волнах абсурда, каждый страх выпаривался вместе с облаками чая, который теперь был его сущностью.

В конце концов, он понял истину, что всегда висела перед ним, неуловимая, но неутомимая: *безумие – это свобода*. Свобода от логики, от границ реальности, от человеческого тела и разума. Здесь, в мире, где стены могли петь, а книги смеяться, Марк нашёл свою новую форму. Свою суть.

А затем всё исчезло. Остался лишь одинокий чайник, тихо покачивающийся на столе в пустой комнате. С тех пор Марк больше не пил чай с корнем мандрагоры. Жизнь, плавно перетекающая из одного безумия в другое, теперь казалась ему слишком насыщенной и без того. Что-то внутри подсказывало ему, что этого опыта хватит на всю жизнь. Словно остатки того абсурдного мира всё ещё шевелились, где-то на границе сознания. Иногда Марк замечал, как кружки на кухне переглядываются, а шкаф в углу странно поскрипывает, но он просто отмахивался от этого. Мало ли что можно себе придумать после таких путешествий.

Теперь Марк занимался чем-то менее психоделическим – например, выращиванием кактусов. Очень надёжные и тихие растения.

ПЕТЛЯ МОРРИГАН

Карл Фогель проснулся от того, что обморожение грызло его пальцы на ногах. Снова. Та же тупая боль в левом плече, где врезался ремень винтовки. Тот же запах сосновой смолы. Тот же проклятый рассвет. Он сплюнул в грязь у края окопа, наблюдая, как слюна замерзает, не долетев до земли.

Четыре часа до того, как голова Шмидта взорвётся. Пять минут спустя Баур подставит ногу под ту мину, чуткую к малейшему весу, у рощицы берёз. Пальцы Фогеля пробежались по затвору Маузера 98к, в девятый раз (*или десятый?*) запоминая каждую царапину. Туман полз между деревьями, словно живой дым, пожирая расстояния целиком. Он моргнул, и на миг увидел горло рядового Йегера, разорванное осколками, которые ещё не вылетели из снаряда. Видение исчезло с дрожью.

Внезапный хлопок разнёсся эхом, но слишком рано. Фогель дёрнулся, ожидая предсмертного хрипа Шмидта. Вместо этого из тумана вывалился капрал Дрешнер, прижимая руку к кровоточащему бедру. Что-то новое. Такого ранения не было. Никогда. Ни в одном из циклов. Прицел Фогеля взлетел вверх, обшаривая опушку леса. Тени плясали там, где их быть не должно. Дрешнер рухнул рядом, хрипя о «призраках в тумане», прежде чем захлебнуться кровью. Фогель стёр алые брызги с щеки. *Холодная. Слишком холодная для свежей крови.*

Наверху вороны кружили молчаливыми стражами. Их чёрные крылья рассекали дымку, а тени скользили по снегу, оставляя за собой чернильные узоры. Фогель следил за ними: *один, два, три. Всегда три.* Сегодня появился четвёртый, издав хриплый, надрывный крик, что вспорол нервы, обнажив до трепещущей, кровоточащей плоти. Внизу завопил Бауэр. Мина сдетонировала. Чётко по расписанию. Но Фогель замер. Сквозь редееющие клочья тумана он мельком увидел англичанина у берёз. Не лежащего мёртвым. На коленях. Губы шевелились в безмолвных заклинаниях, пальцы выводили символы на инее. Воздух задрожал, точно натянутая струна.

Фогель нажал на спуск. Рефлекс. Пуля сорвала кору березы там, где мужчина должен был быть. Теперь – лишь пустая земля. Вокруг лишь окопы, и сапог Бауэра, дымящийся рядом с воронкой. Дрожа, Фогель перезарядил винтовку. Его дыхание клубилось клочьями призрачного пара, пропитанного едкой горечью паники. Тот шёпот... он змеёй вполз в череп. Слова, будто осколки стекла:

Bris an lùb...

Разорви петлю...

Он знал гэльский? Нет. Услышал несколько циклов назад, когда пуля разорвала лёгкие Хартмана. Воспоминание ударило свежей раной.

Рядом захрипел Дрешнер. Фогель прижал грязную перчатку к ране на бедре, теплая кровь просочилась на замёрзшую грязь.

– Призраки? Говори яснее!

Глаза Дрешнера закатились.

– В-в воздухе... что-то царапнуло... укусило меня, – вырвалось из него судорожным хрипом, – как пауки... ползут... по жилам... – Зубы застучали в лихорадочном припадке, эхом отзываясь в стылой пустоте. Голова запрокинулась, точно сломанная ветвь под бурей, и замерла.

Мёртв. Раньше обычного.

Фогель вздрогнул. На горле Дрешнера зияли два проколотых отверстия с почерневшими краями. Не осколки. Не пули. Что-то... *Укусило?* В ноздри ударила кислая вонь гниения.

Четвёртый ворон сел на голую ветку сосны над головой. Его крик разорвал туман – резкий, скрежещущий.

Морриган.

Кровь Фогеля обратилась в ледяные иглы, что впились в вены. Он понял. Ворон склонил голову набок, и в его чёрных глазах, бездонных провалах, закружили галактики: спирали звёздного пламени, поглощаемые вечной тьмой, где рождались и умирали целые эпохи, шепча проклятия на языке забытых богов.

Внизу у замёрзшего ручья лейтенант Шмидт отдавал приказы. Фогель рванулся вверх.
– Шмидт! Ложись!

Слишком поздно. Раздался выстрел. Но Шмидт не упал. Вместо него с диким вращением повалился Майр, стоявший рядом. На его виске расцвёл багровый цветок. Шмидт закричал. Не тот, кто должен был умереть. Не в то время.

Прицел Фогеля метнулся к берёзовой роще. Истощённый англичанин теперь стоял неподвижно, закутанный в слишком просторную шинель, что свисала с его тощих плеч тяжёлым бременем. Туман вился вокруг его ног, точно верные псы. Губы снова зашевелились. Фогель напрягся: впился взглядом в эти потрескавшиеся, шепчущие губы. Иней кристаллизовался на щетине мужчины, пока он беззвучно складывал слова. Между слогами Фогель увидел: тень англичанина вытянулась противоестественно. Её пальцы превратились в когти. Они царапали не землю, а воздух, сдирая реальность, словно прогнившую ткань. На миг вспыхнула щель кричащей пустоты. Затем... исчезла. Тень резко сжалась обратно в человеческий облик.

Англичанин повернулся. Его глаза встретились с глазами Фогеля сквозь восемьсот метров дымки. Не человеческие глаза. Зрочки, как раздавленный янтарь. Фогель почувствовал на языке медный привкус. Отчаяние. И петлю, затягивающуюся на шее.

Крик Шмидта хлестнул по воздуху. Фогель вздрогнул. Лейтенант пошатнулся, хватаясь за грудь. Но крови не было. Ни входного отверстия. Только тень, та невозможная, жидкая тень, что отделилась от англичанина и поползла по снегу, словно пролитые чернила. Она текла в гору, вопреки гравитации, и поглотила Шмидта. Посреди крика. Посреди проклятия. Тело Шмидта растворилось. *Растаяло? Нет*, понял Фогель. Оно сложилось. Торс ввалился в позвоночник. Конечности перекрутились и съёжились. Перья проросли сквозь кожу. Мокрый, рвущийся звук, словно велькро, сдирающее мясо – эхом отозвался, когда кости хрустнули и перестроились.

Затем тишина.

Большой ворон вырвался из рассеивающегося дыма теней, издав тот же скрежещущий крик. Он взмахнул крыльями вверх, присоединившись к четвёртому. Теперь их пять. Всегда пять.

Сердце Фогеля колотилось в рёбрах, словно пойманная птица. Воздух дрожал от низкочастотного давления, и гул отдавался в коренных зубах. Шмидт исчез. Растворился в стае над головой. Но ужас был не в превращении. Ужас – в осознании.

Разум Фогеля трещал по швам. Он видел, как Майр умер неверно, Дрешнер умер слишком рано, а Шмидт умер... вовсе не умер? Петли распутывались. Капкан бога войны начинал смыкаться. Ловушка сжимала челюсти, словно медвежий капкан. Он уловил запах озона и тления. Услышал шёпот англичанина-друида, вплетённый в ветер.

Bris an lùb... Thoir naomh-chàin...

Разорви петлю... Принеси жертву...

Слово повисло в воздухе, колючее, как шип розы, впившийся в ладонь. Фогель замер, впиваясь взглядом в эту бездну: принести в жертву ли замёрзшую человечность свою, истерзанную циклами, или их – тех, чьи лица мелькали в тенях, как призраки, не угодные даже самой смерти?

Его прицел снова нашёл англичанина. Он стоял недвижимо, склонив голову к кружащим воронам. Одна рука вытянута, пальцы – когти. Иней вихрился вокруг ладони в замысловатых, невозможных фракталах. Ритуал. Незавершённый.

Суставы Фогеля побелели на прикладе Маузера. Он вдохнул: сосна, кровь, озон, воронья вонь. На этот раз он не выстрелит. Он будет смотреть. Он увидит узор в рунах друида из инея, дрожь в его проклятых пальцах. Вороны снижались, их тени ложились на снег, будто разлитая нефть. Пять теперь. Пять судей. Пять палачей.

Дыхание Фогеля сбилось. Он будет считать взмахи их крыльев. Он запомнит движения губ друида. От этого зависел следующий цикл.

Мокрый хрип отвлек Фогеля. Рядовой Кляйст полз к окопу, волоча кишки по замёрзшим корням. Слишком рано. Кляйст всегда погибал, раздавленный пылающим чудовищем, танком Mark I, машиной-монстром, рождённой для богоубийства. Глаза Кляйста впились в Фогеля, вылезая из орбит от ужаса.

– Это не туман! – вырвалось из него хриплым, рвущимся на части клокотом, где слова тонули в алом пузыре, вздувавшемся на разбитых губах. – Он кусает! Он...

Слова растворились в крике, когда туман обвился вокруг его запястья. Не туман. Твёрдая тень. Тонкая и ядовито-чёрная нить. Она потянула. Рука Кляйста исчезла – чисто отсечённая, а потом возникла в воздухе, изуродованная в нечто дёргающееся и оперённое. Фогель зажмурился. Слишком быстро. Слишком неправильно. Когда он открыл глаза, Кляйста не было. Только россыпь чёрного пуха среди алого месива. Наверху пятый ворон издал насмешливый крик.

Морриган.

Воздух снова задрожал, глубже, зловеще. Фогель почувствовал тошноту. Он резко развернул винтовку к берёзовой роще. Пусто. Пульс стучал в висках. Где?

Тут – шёпот у самого уха. Холодное дыхание. Слова на гэльском, скрежещущие, словно камни в жерновах:

An-diugh chì thu...

Сегодня ты узришь...

Фогель крутанулся, приклад ударил в пустоту. Англичанин-друид стоял рядом, немисливо близко. Уже не в форме. Плащ из сплетённых теней облепил его тощую фигуру, края расплывались в тумане. Эти разбито-янтарные глаза буравили душу Фогеля. От него пахло древней землёй и обожжённой костью.

– Ты истекаешь часами, – пробормотал друид, голос слоился эхом бесчисленных смертей. Палец Фогеля замер на спусковом крючке. Тогда он увидел главное. Истинную аномалию. В груди друида пульсировала полоска невозможной черноты, не камень и не металл, а пустота. Реальность расплзалась по краям. *Жертва*. Слово закричало в черепе Фогеля. *Не человечность. Это. Ядро пустоты. Разбей его.*

Друид улыбнулся, тонко и жестоко. Позади него снова закричал Бауэр, не от мины, а от тумана, что распускал его внутренности в визжащих воронов. Петля раскальвалась. Время вопило. Фогель бросился вперёд, не к винтовке, а к тёмному осколку в груди друида. Пальцы вытянулись. Холод, превосходящий всякое понимание, впился в плоть. Друид зашипел, звуком, будто трескающиеся ледники. Пять воронов одновременно ринулись вниз.

Рука Фогеля сомкнулась на пустоте. Боль вспыхнула в нём внезапным взрывом – раскалённая кузница, что безжалостно плавил кости и выжигала нервы дотла, оставляя лишь пепел агонии в венах. Зрение раскололось на зазубренные осколки, острые, как битое стекло: голова Шмидта взрывается в багровом вихре и... вот она снова цела, плоть срастается без шва; Дрешнер захлёбывается собственной кровью, густой и солёной и... вот он дышит, живой, с румянцем на щеках; роща берёз полыхает адским костром и... тут же нетронутый снег блестит под ней, девственно чистый.

Сквозь калейдоскоп умирающих времён Фогель увидел правду. То был не капкан. Это была мольба. Бог войны голоден, да. Но этот друид был его цепью, привязывавшей ужас к этому замороженному аду. Жертва означала разбить якорь.

Янтарные глаза друида встретились с глазами Фогеля. В них читался не триумф. Облегчение.

Древние шёпоты хлынули в его сознание:

Bris an lùb...

Разорви петлю...

С рёвом, вырванным из самых бездн души, первобытным, звериным, что эхом отзывался в трещинах разума, Фогель крутанул, вонзая пальцы в эту бездонную пустоту, словно клинок в сердце ночи. Ядро разлетелось в вихре осколков, как чёрный лёд под ударом молота богов. Треск его разорвал ткань реальности, сея паутину трещин в самом воздухе, где тени корчились и угасали в безмолвной агонии.

А затем...

Тишина...

Полная, поглощающая.

Обморожение исчезло. Туман замер. Вороны застыли в воздухе. Фогель уставился на руку. Не обожжённую. Не окровавленную. Перед ним осел друид, плащ теней распался в дрейфующий пепел. Там, где пульсировало ядро, остался лишь бледный шрам в воздухе, гудящий угасшей силой. Единственное воронье перо опустилось, легло на неподвижную грудь друида.

Петли разорваны.

Фогель втянул воздух, пахнувший лишь сосной и сырой землёй. Война продолжалась. Он слышал далёкую канонаду, но петля ослабла. Он поднялся. Внизу Шмидт выкрикивал приказы. Баур стоял целым и невредимым. Дрешнер поправлял каску. Без единой царапины.

Живые.

Фогель простёр пальцы к шраму в воздухе, трещине в ткани мира, где реальность истончилась до призрачной паутины, и коснулся его кончиками, дрожащими от эха былых бурь. Холодно, как дыхание забытой бездны, что лизнуло кожу. Пусто – бездонная пропасть, где эхом отдавались шаги тысяч неслучившихся смертей. Он знал цену этой тишины: она была вырвана из глубин его естества, цена – осколки души, что теперь звенели внутри, как разбитый колокол. И эта тишина внутри оглушала, тяжёлая, как саван, накрывающий разум. В ней не было покоя, лишь гул отсутствия, что пожирал эхо сердца.

Он спотыкаясь двинулся к роще берёз. Тело друида растворялось, сливалось с инеем. Только янтарные глаза остались, прикованные к Фогелю. Не обвиняющие. Примирившиеся.

Фогель опустился на колени. Кровь стучала в ушах, но шёпоты ушли. Ужас кончился. Странная пустота расцвела там, где раньше жил страх. Он взглянул на руки – руки, что убивали, что спасали. Они казались чужими. Свет преломлялся сквозь деревья, яркий и болезненно обыденный. Внизу Бауэр смеялся над шуткой Шмидта. Фогель вздрогнул. Звук был слишком громким. Слишком человеческим.

Он вспомнил проколотое горло Дрешнера, отсечённую руку Кляйста. Их жизни возвращены, но Фогель знал. Он нёс гниль каждой смерти. Его жертвой была не жизнь. Его жертвой была невинность. Тяжесть сдавила рёбра. Он склонился к снегу, изрыгая желчь в его девственную белизну: судорожно, рвано, словно выворачивая наизнанку саму пустоту внутри, где желудок сжался в комок льда, а глотка корчилась в бесплодной агонии. Ничего не вышло. Мир казался тонким. Хрупким. Он мог бы пробить его кулаком.

Позади послышался хруст сапогов по замерзшему снегу.

Капрал Дрешнер, живой.

– Фогель? Ты в порядке? Выглядишь... бледнее тумана.

Фогель уставился на него. Два прокола на шее Дрешнера исчезли. Лишь гладкая кожа. Но Фогель всё ещё улавливал призрачный запах крови. Видел мерцающий отсвет тех почерневших ран.

– Всё нормально, – хрипло ответил он. Голос скреб по горлу, как гравий. – Просто... холодно.

Дрешнер нахмурился и протянул руку. Фогель не взял её. Его взгляд поднялся в небо. Оно было пустым. Ни одного ворона. Лишь неумолимая серость. Глаза друида потухли, утонули в земле. Последний шёпот коснулся разума Фогеля, не на гэльском. Немецкий. Чёткий.

Бог питается теперь в другом месте.

Фогель содрогнулся. Шрам в воздухе пульсировал. Он знал. Он стал якорем. Тишина была ценой. Он чувствовал, как бог войны грызёт края его сознания. Низкий, постоянный гул за ушами. Мир покрылся ядовитым газом.

Дрешнер хлопнул его по плечу.

– Пошли. Разведка. Двигаемся.

Фогель послушно последовал за ним. Тяжело шагая, он миновал место, где погиб Баур. Где исчез Кляйст. Снег был чист. Без единого следа. Фогель остановился. Набрал горсть снега, прижал ко лбу. Холод ужалил – реальный, острый. Он оглянулся. Единое, идеальное перо лежало там, где пал друид. Он оставил его.

Впереди Шмидт выкрикивал приказы. Баур шутил. Ритм войны возобновился. Фогель поднял Маузер, затвор сработал плавно и точно. Он заглянул в прицел. Вражеская позиция мерцала вдали. Рутинная война.

Палец лег на спусковой крючок. Привычный вес. И всё же перекрестие ощущалось иным. Чужим.

Он снова увидел, как лицо Шмидта взрывается. Снова. И снова. Видения были беззвучны. Крики теперь жили внутри, эхо, запертое в полости, где когда-то жила человечность.

Он выдохнул.

Успокоился.

Снег пропитал штаны насквозь. Холод – единственное, что казалось реальным. Всё остальное – просто... шум. Петля разорвана. Но Фогель? Он разбит.

И тишина кричала.

ВМЕСТЕ... НАВСЕГДА...

– Я люблю тебя, – прошептал он. – Разве ты не мне не веришь?

Но она ему ничего не ответила – она уже крепко спала. Он хотел бы разбудить её, но ему нравилось смотреть, как она спит. В этом было что – то завораживающее, и он не хотел нарушать очарование, которое, как он знал, было создано только для него. Он никогда не видел никого красивее. Никогда! Ее черные, как смоль, волосы шелковой волной ниспадали на плечи и грудь. Нежная белая кожа, алые губы, изящные щеки делали ее похожей на ангела. И ее глаза, огромные, зеленые, в обрамлении длинных ресниц, казались бездонными колодцами, в которые можно упасть и никогда уже не выбраться на поверхность. Ее тело было таким же совершенным, как и ее лицо. Его изгибы, изящные линии, нежная кожа, тонкие руки и ноги, точеная фигура – все это вызывало желание обладать ею. Она была прекрасна.

Он осторожно погладил её волосы, провёл рукой по щеке, по шее, наслаждаясь её близостью и прислушиваясь к её ровному дыханию. От неё исходило тепло, и его рука, скользнув по её телу, нашла грудь, ощутив её мягкость и упругость. Но он был осторожен, чтобы не разбудить её. Она была так прекрасна, что он боялся, нарушить этот момент. Он вдохнул ее запах, ее кожу, ее вкус. Запах. Как же он любил ее запах. Он вдыхал его снова и снова, желая запомнить навсегда. В нем была и свежесть, и пряный аромат ее духов. Она пахла так, как пахнет только она. В его ушах стоял звон от ее дыхания. Нежно прикоснувшись своими губами к ее губам, он ощутил вкус ее дыхания. Он вспомнил их сладкий, пьянящий поцелуй. Он мог бы целовать ее вечность. Он мог бы любить ее всю жизнь. И он знал, что она любит его всем сердцем, но он никогда не сможет предложить ей то, чего она хотела. И поэтому она сказала, что это их последняя ночь. Она сказала, что они не могут быть больше вместе. Он ждал этого, зная, что это произойдет. Поэтому он продолжал лежать, любясь ею. Он был готов.

Ее волосы рассыпались по подушке, и он запустил в них пальцы, глубоко вдохнув ее аромат. Он думал о том, что будет скучать по ней. Будет скучать по ее голосу, ее взгляду, улыбке. Но он должен был сделать это. Ради ее же блага.

– Я люблю тебя, – сказал он снова.

Слова вырвались у него неожиданно, без подготовки, но он уже не мог остановиться. В них была вся его любовь, все его страдания, его вера, его надежда. Все, что он хотел сказать, но не смог. И у нее не осталось выбора, кроме как принять это признание.

Повернув к себе ее лицо, он прошептал, лаская губами ее глаза:

– Я не хочу, чтобы ты уходила. Ты мне нужна.

Встав с кровати, он посмотрел в окно. Свет луны освещал комнату. Он подошел к окну и посмотрел на звёзды. Они были такие яркие, что казалось будто их можно достать рукой. Если бы он мог, он подарил бы одну из них ей. Но увы она была недосыгаема.

Он знал, что она любит звезды.

Она всегда мечтала о том, как они вдвоем будут смотреть на звезды, мечтать, а потом он скажет ей, что теперь они будут вместе... Навсегда...

Но она никогда не узнает, что для него она была важнее всех звезд. И даже важнее неба. А если узнает, то он не сможет ей этого сказать. Потому что он был уверен, что это будет для нее слишком больно. А ему этого не хотелось.

И поэтому он молчал.

Он снова посмотрел на нее. Она тихо спала, ее лицо было безмятежным, и он вспомнил, как она выглядела, когда он впервые увидел ее. Она была такая хрупкая, беззащитная, что ему захотелось защитить ее от всего мира. Он вспомнил те недолгие моменты приведённые с ней. Их бесконечные объятия и поцелуи. Её мягкие прикосновения к его шее. Её нежные, полные любви глаза, которые всегда смотрели на него со страстью и любовью. Улыбку, которая всегда

была такой нежной и ласковой. И как она шептала ему на ухо, что любит его. Он не знал, кто она, откуда взялась и как ей удалось так легко и непринужденно завоевывать его сердце, но он знал одно: никто и никогда не сможет заменить ее. Даже он сам.

Он задержал дыхание, чтобы сдержать слезы. Мужчины не плачут, всегда говорил он себе. Не важно, что с ним происходит. Он не будет плакать. Но в этот момент он понял, что слезы все – таки текут по его щекам. Он хотел было спрятать лицо в ладони, но вдруг заметил, что это не имеет никакого смысла. Нужно было действовать. В их болезненных отношениях всегда руководила она. Теперь настал его черед взять все в свои руки.

Открыв ящик стола, он достал изогнутую хирургическую иглу с пряжью протянутой в ней нити и снова лег рядом с ней. Она еще не скоро проснется. Он накачал ее доброй дозой Лексотана, а это средство и впрямь действует очень долго, и она ничего не почувствует пока спит.

Он взглянул на острие иглы, которое злобно блеснуло в свете луны. Прижавшись к ней еще ближе, он, взмахнул рукой и направил его вниз, прямо ей в живот и аккуратно проколол кожу. Нахмурившись, он потянул нить, которая тут же натянулась. Задержав дыхание, он ввел иглу под кожу своего живота и протянул нить крепче прижимаясь к ее телу. Боль стрельнула так, что на глаза навернулись слёзы, но он терпел. Сжал зубы и терпел. Это хоть как – то заглушало его боль душевную. Тонкие ручейки алой крови гармонично сочились из хирургически – точных отверстий. Ярко – красные капли, словно маленькие драгоценные камни, медленно стекали вниз, окрашивая белоснежное покрывало.

Прикусив губу, он начал свою кропотливую работу, прокладывая иглой путь с живота на грудь, стягивая их тела все туже и туже. Его пальцы двигались быстро и умело, словно он проделывал это уже сотни раз.

Дойдя иглой до груди, он на мгновение остановился, пытаясь не раскричаться от боли. Он смотрел на ее лицо, и в этот момент ему хотелось, чтобы она тоже почувствовала боль, прочувствовала те страдания, чтобы она поняла, что он испытывает сейчас.

В эту минуту он хотел возненавидеть ее.

Но она была такой сильной, такой безжалостной, что даже у него не хватило бы сил ненавидеть ее. И все же он мог бы ненавидеть ее, если бы она не была так красива.

Он увидел, как она побледнела, но не испугался, а лишь еще сильнее сжал ее в своих объятиях и вставил иглу себе в нижнюю губу.

– Это будет наш самый долгий поцелуй, – прошептал он и протянул иглу с нитью к ее губам.

Он не мог остановиться и уже не чувствовал боли. Но он не сдавался и продолжал сшивать их тела там, где только это было возможно. Она была рядом с ним. Казалось, она подбадривала его. Она сжимала ему руку. Она шептала ему в ухо слова поддержки. Но он знал, что этого не может быть. Она все еще спала, а их губы были уже крепко сшиты между собой. Их тела были скроены нитями словно паутиной, и лишь местами оставались белые, как молоко, участки кожи, что не были еще залиты сочащийся кровью. Прделав свой последний стежок, сшив их гениталии вместе, он положил руку на ее окровавленное лицо. Он уже не мог говорить, их губы были плотно зашиты друг с другом. Усталость и нескончаемая боль затмевали его разум. Но он не мог думать ни о чем, кроме нее. У него было лишь одно желание – быть рядом с ней. Он не знал ничего о ее прошлом. Ему не было известно, кто она и откуда, но сейчас ему было все равно. Все это не имело значения. Лишь бы она была рядом. В его сердце не было ни капли сомнения в том, что он полюбил ее, полюбил с первого взгляда. Она была так прекрасна! В ней было столько нежности и тепла, которое согревало его душу. И он собирался сделать все возможное и невозможное, чтобы быть с ней.

Он закрыл глаза и погрузился во тьму. Там, в этой тьме, он был счастлив. И когда они проснутся, они будут вместе. Вместе... Навсегда...

МЯСОРУБКА ТЕЛ И ДУШ

1.

Солнце только – только поднялось над горизонтом, осветив мягким розоватым светом крыши домов в маленьком пригороде Пайнхерст, где люди занимались своими традиционными утренними делами. Мистер Монтгомери, местный бакалейщик, неспешно шагал к своему магазину, ключи звенели в его кармане, когда он вышел на тротуар.

– Похоже, сегодня нас ожидает гроза, – обратился он к миссис Бейкер, поливавшей сад из шланга, который тянулся от дома.

Миссис Бейкер кивнула в знак согласия, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

– По всей вероятности, – ответила она, но голос ее был напряжен жутким предчувствием, от которого она никак не могла избавиться.

Первый порыв ветра ударил по лицу, словно пощечина. Он сорвал шляпу с головы мистера Монтгомери, отправив ее в полет. Его глаза расширились, когда он увидел, как небо над головой стремительно темнеет, а облака превращаются в яростный водоворот. В воздухе появился запах озона, резкий металлический привкус, заставивший его вспомнить, как взорвался аккумулятор его старого Бьюика.

Миссис Бейкер опустила шланг, вода с шипением взвилась в воздух и расплескалась по земле. Она чувствовала, как напряглись ее сухожилия, как первобытный инстинкт велел ей бежать. Но она оставалась на месте, не в силах оторвать взгляд от горизонта, где кипели и клубились облака.

– Что это, ради всего святого? – закричал мистер Монтгомери, перекрывая усиливающийся шум ветра.

Миссис Бейкер прищурилась сквозь пыль и обломки. Вдалеке зарождался торнадо, но он не был похож ни на одно природное явление, которое они когда – либо видели. Он был похож на скрюченное, рычащее чудовище из ржавых гвоздей, ножей и проволоки, края которого сверкали злобой. Казалось, сама земля под ними дрожит от страха.

Горожане в недоумении смотрели, как растет чудовищный торнадо, его металлические усики тянулись, словно руки ожившего кошмара. Ветер усиливался, его вой смешивался с оглушительным скрежетом металла, перекрывая крики испуганных жителей. Они наблюдали, как ураган пронесется по полям на окраине пригорода, превращая посевы в бурю щепок и измельченных листьев.

Мистер Монтгомери возился с ключами, дрожащими руками пытаясь отпереть тяжелую металлическую дверь магазина.

– Скорее внутрь! – крикнул он миссис Бейкер. Она судорожно охнула, забыв о своем саде, и они вдвоем укрылись в бетонном бункере, который он построил под своим магазином и который предназначался как раз для таких чрезвычайных ситуаций. Они захлопнули дверь как раз в тот момент, когда первые гвозди начали сыпаться, словно неистовый град, пробивая деревянную крышу.

Приближение торнадо было похоже на симфонию хаоса, апогей ветра и металла, которое, казалось, сотрясало самую сердцевину Пайнхерста. Уличные фонари мерцали и гасли, погружая город в непроглядную черноту, которую пронзали лишь редкие вспышки молний. Буря становилась все ближе, ее оглушительный рев превратился в разрушительную какофонию, эхом разносящуюся по улицам.

Мистер Монтгомери и миссис Бейкер затаились в бункере, их дыхание было прерывистым. Они слышали, как разбивается стекло витрины, и этот звук напоминал хор ломающихся костей. Стены застонали, а пол задрожал, когда ярость торнадо усилилась. Металлическая

дверь в бункер прогнулась под напором, образовывая крупную щель, гвозди и ножи снаружи закричали по металлу, словно орда разъяренных демонов.

Первые крики донеслись до их ушей, далекие, но пронзительные, и становились все громче по мере того, как торнадо проносилось над пригородом. Этот звук леденит душу симбиозом боли и ужаса. Они чувствовали, как воздух в бункере становится все более разреженным, поскольку вакуум торнадо пытался высосать жизнь из окружающего пространства. Миссис Бейкер вцепилась в руку мистера Монтгомери, а ее ногти впились в его плоть, и она зашептала отчаянную молитву.

Дверь в бункер застонала, металл закричал, как измученное животное. Они с ужасом проследили, как ржавый гвоздь, размером с большой палец человека, впился в бетон в нескольких сантиметрах от лица миссис Бейкер. В воздухе висела пыль, а единственный свет исходил от одинокой качающейся лампочки, которая зловеще мерцала над головой.

Мистер Монтгомери взял фонарик и дрожащими руками осветил им крошечное окошко в искореженной двери. Сцена снаружи была апокалиптической. Некогда очаровательный фасад пригорода теперь представлял собой полотно резни. Дома разлетелись на куски, машины валялись как игрушки, а воздух был наполнен смертоносными конфетти из металлических осколков. Вихрь торнадо, словно адский конь, нес в своих объятьях смерть и разрушение. Лезвия ножей и острия гвоздей, словно звезды, падающие во тьме, сверкали в угасающих лучах солнца, прорезая кровавым шрамом самое сердце Пайнхерста.

Он с ужасом наблюдал, как в местного парикмахера мистера Брэдли вонзилась колючая проволока. Она пронзила его тело, оставив после себя багровые брызги. Его глаза оставались открытыми, застыв в беззвучном крике, когда его подбросило в воздух, как тряпичную куклу, и его тело гротескно вращалось, прежде чем исчезнуть в металлическом водовороте. Миссис Бейкер зарылась лицом в руки, не в силах смотреть на разворачивающийся кошмар.

Торнадо становилось все ближе, давление воздуха в бункере резко упало. Гвозди и ножи снаружи все настойчивее бились о металлическую дверь, словно кулаки проклятых. Звук был сводящим с ума, симфония лязга и визга, казалось, отдавалась в их костях.

Мистер Монтгомери мельком увидел свою соседку, миссис Кларк, которая выгуливала своего пуделя, мистера Вискерса. Ее словно подняла в воздух какая – то невидимая рука, и ее тело исказилось в танце боли, когда смертоносные объятия торнадо сжались вокруг нее. Глаза несчастной женщины расширились в панике, рот раскрылся в безмолвном крике, но ревущий ветер унес каждый звук. В одно мгновение она была поглощена вихрем, и исчезла среди вращающихся острых лезвий ржавого железа.

Край торнадо становился все ближе, воздух снаружи наполнился брызгами крови и внутренностей. Мистеру Монтгомери пришлось отвести взгляд, когда он услышал тошнотворный звук трескающихся костей и рвущейся плоти, словно гигантский зверь питался самой сутью пригорода. Когда он наконец нашел в себе мужество оглянуться, перед глазами предстала ужасающая картина: вокруг развалин магазина было разбросано иссеченное на куски тело миссис Кларк. Ее члены были безжалостно отсечены острыми, как бритва, лезвиями торнадо, словно оно само было жестоким палачом. Мистер Вискерс один раз жалобно проскулил – жалкий звук затерялся в грохоте, – а потом его тоже разорвало на части, и его крошечное тело разбросало в разные стороны.

Дверь в бункер еще больше прогнулась, гвозди и ножи проделали в стали глубокие борозды. Мистер Монтгомери знал, что долго они не продержатся. Он схватил миссис Бейкер и притянул ее ближе, пытаясь укрыть от неизбежного. Металл закричал в знак протеста, посылая в помещение шквал искр и осколков.

Мистеру Монтгомери хватило мгновения, чтобы осознать открывшееся перед ним зрелище: владелец соседней парикмахерской, мистер Брэдли, приблизился к ним, его тело крутилось как волчок, а лопасти торнадо превращали его в кровавое месиво. Его глаза были широко

раскрыты, а на лице застыла гримаса ужаса. С каждым оборотом торнадо отрывал от него все новые и новые части, превращая его в жуткое скопище деталей. Его рука, все еще в рукаве фланелевой рубашки, проплыла над их головами, а кисть все еще сжимала его любимую трубку. Его нога, по – прежнему обутая в резиновый сапог, ударилась о стену, оставив на ней пятно крови.

Миссис Бейкер подавила крик, прикрыв рот рукой. Бункер был уже не убежищем, а могилой, мрачным напоминанием о судьбе, которая ждала их снаружи. Запах свежих внутренностей и крови наполнял помещение, составляя тошнотворный контраст с сухим, пыльным ароматом бетонных стен. Ярость торнадо становилась все сильнее, его металлическая мощь отдавалась в ушах барабанным боем.

Голова мистера Брэдли, все ещё удерживаемая телом, но едва узнаваемая, вращаясь в воздухе столкнулась с дверью, застряв в образовавшейся щели, от удара брызги крови залили окно. Его глаза смотрели на них, остекленевшие от пустоты смерти, а рот был открыт в безмолвной мольбе о пощаде, которая осталась без ответа. Лезвия торнадо сняли с него скальп, кожа содралась, обнажив белый череп, – мрачная пародия на стрижки, которые он когда – то так тщательно делал в своей парикмахерской.

Миссис Бейкер застонала, ее рука метнулась ко рту, чтобы сдержать рвоту, которая грозила вот – вот вырваться наружу. Мистер Монтгомери крепче прижал ее к себе, его собственный страх холодным узлом завязался в животе.

– Мы должны выбраться отсюда, – крикнул он сквозь шум. – Мы не можем здесь долго оставаться!

Они спотыкались в темноте, нащупывая путь вдоль стены, пока бункер содрогался вокруг них. Рев торнадо был оглушительным, постоянно напоминая о хаосе, царящем за пределами их хлипкого убежища. Рука миссис Бейкер коснулась чего – то мокрого и теплого на полу, и она с криком отпрянула.

– Это кровь! – закричала она.

Мистер Монтгомери тяжело сглотнул, крепко сжав фонарик.

– Нам нужно выбираться, миссис Бейкер, – повторил он, его голос был едва слышен из – за бури. – Как можно быстрее!

Миссис Бейкер кивнула, ее взгляд был полон отчаяния. Спотыкаясь, они прошли через бункер, пол которого был скользким от пролитой крови. Луч фонарика беспорядочно плясал по стенам, являя собой сцену из самого ада. Некогда аккуратные полки были опрокинуты, а их содержимое разбросано, словно извращенное подношение чудовищу снаружи. Воздух становился все холоднее, дыхание торнадо проникало в самую сердцевину убежища.

Подгоняемый невидимой рукой торнадо, в комнату без предупреждения влетело вращающееся с демонической яростью лезвие циркулярной пилы. Оно прорезало воздух, серебряный диск смерти сверкнул в луче фонарика. Миссис Бейкер успела среагировать лишь на мгновение, но было уже слишком поздно. Лезвие ударило ее по шее с точностью хирургического скальпеля, отсекая голову в пунцовых брызгах. Обезглавленное тело упало на землю, голова покатилась к ногам мистера Монтгомери, а ее потухшие глаза, в шоке и неверии, усталились на него.

Мистер Монтгомери отшатнулся назад, крик застрял у него в горле, а глаза налились кровью. Он смотрел, как лезвие пилы продолжает вращаться по помещению и с глухим стуком вонзается в стену. В комнате стоял медный привкус крови, воздух был густым. Он чувствовал теплые брызги ее жизненной силы на своем лице – мрачная маска из запёкшейся крови, нарисовавшая его ужас в суровой реальности.

Мгновение спустя дверь повалилась и со скоростью пули в помещение бункера влетели сотни гвоздей. Они пронзали воздух, подгоняемые неумолимой силой торнадо. Он вскинул руки в тщетной попытке защититься, но в этом не было никакого смысла. Гвозди вонзились

в него, глубоко погрузившись в плоть, пригвоздив его к холодной бетонной стене, как мрачное произведение современного искусства. Боль не была похожа ни на что, что он когда – либо испытывал раньше, – это была жгучая агония, которая прожигала его душу.

Тело мистера Монтгомери билось в конвульсиях, когда гвозди продолжали пронзать его тело, и каждый удар посылал ударную волну пламени по его нервной системе. Его зрение помутилось, крики стихли под напором ветра, который, казалось, смеялся над его бедственным положением. Гвозди образовали вокруг него жуткий кокон, в котором он находился в плену, а его тело стало холстом для художественных работ торнадо.

Безголовый труп миссис Бейкер лежал у его ног, вокруг него растекалась ее кровь – мрачная лужа, которая с каждой секундой становилась все больше. Вид ее был последним, что он когда – либо увидит, – мрачная картина, которая запечатлелась в его сознании, даже когда мир потемнел. Он чувствовал, как холод распространяется по его телу, как тепло жизни отступает перед неумолимым металлическим натиском.

Последние минуты жизни мистера Монтгомери были наполнены болью и ужасом. Сотни гвоздей глубоко вонзились в его тело, ржавый металл горел, словно в огне, острия скрежетали по его костям, удерживая его на месте, точно человеческий шашлык на пиру у демона. Он чувствовал, как его органы разрывает, как рвется и трескается кожа вокруг заостренных концов.

Он закашлялся, горло наполнилось металлическим привкусом крови. Легкие горели при каждом отчаянном порыве к воздуху, багровые капли забрызгивали пол. Его глаза, расширенные от муки, обшаривали комнату, но все, что он мог видеть, – это хаос вокруг него. Бункер, некогда бывший символом безопасности, превратился в его могилу, разрисованную жуткой фреской гибели миссис Бейкер. Воздух становился все холоднее, смех ветра отдавался в ушах, когда на улице становилось все тише.

Гвозди в его теле застыли, ярость торнадо отступила, оставив после себя лишь оглушительную тишину опустошенного ураганом. Тело мистера Монтгомери обмякло, его дух покинул истерзанную плоть, а душа унеслась в прилив боли. Он был мертв – печальное дополнение к списку погибших в пригороде Пайнхерст.

2.

– Знаешь Майки, в последнее время погода чудит, – задумчиво заметил Том, глядя на своего брата, Майка. Они сидели на крыльце дома, потягивая холодное пиво, и наслаждались тихим вечером.

Майк кивнул, прищурив глаза, чтобы разглядеть горизонт, где заходящее солнце оставляло огненные блики на облаках.

– Чувствую, надвигается буря, – сказал он, проводя рукой по лысеющей макушке. – Перед грозой у меня всегда зудит лысина.

Том усмехнулся.

– Да брось, Майки. Это просто весенние штормы, не больше.

Но даже произнеся это, он почувствовал, как по его спине пробежала легкая дрожь. Ветер подул с новой силой, заставив старый дуб у бензоколонки зловеще заскрипеть. Листва шептала тревожное предупреждение, но друзья лишь пожалы плечами, допили свои напитки и скрылись в тепле дома.

На следующее утро ветер усилился. Сирены торнадо разразились механическим воем, разносящимся эхом по пустынным улицам. Закрывшись в доме, Майк запер двери на засов и завел семью в подвал. Они уже сотни раз проделывали это, но в воздухе витала какая – то иная тревога. Казалось, что сама земля затаила дыхание, ожидая, что вот – вот что – то произойдет.

Ветер усилился, разбушевавшись до бешенства, и пыльные дьяволы закружились по заброшенной парковке. Том, который помогал жене Майка, Эбигейл, собирать припасы,

остановился у подножия лестницы, положив руку на холодные металлические перила. Его сердце гулко стучало в груди, как барабанный бой под натиском ветра. Что – то было не так.

Сирены торнадо становились все громче, а их вопли, казалось, доносились со всех сторон одновременно. Маленькая дочь Майка, Лили, вцепилась в руку матери, ее глаза расширились от страха. Эбигейл попыталась успокоить ее, но даже ее голос дрожал.

– Все в порядке, милая, – прошептала она, – это всего лишь гроза.

Но ее ложь повисла в воздухе, как будто стены дома могли услышать ее и отвергнуть.

Том почувствовал, как у него свело живот, когда ветер снаружи завыл, и звук стал почти... угрожающим. Он оглянулся на Майка, который дрожащими руками закреплял последнюю фанеру на окнах.

– Ты уверен, что она выдержит? – спросил Том, не пытаясь скрыть своего беспокойства.

Майк глубоко вздохнул и кивнул, хотя его глаза говорили об обратном.

– В прошлом все держалось, – сказал он, стараясь говорить увереннее, чем чувствовал. Но буря снаружи не была похожа ни на что, с чем они когда – либо сталкивались. Словно вся сущность хаоса была собрана в одном ужасном порыве ветра.

Внезапно мир за пределами дома приобрел тошнотворный коричневый оттенок. Торнадо обрушился на пригород, вихрь пыли и обломков с каждой секундой становился все ближе. Старый дуб за окном согнулся и застонал, а затем переломился пополам, подняв в воздух щепки. Вслед за этим раздался звук бьющегося стекла, и окна дома взорвались внутрь, осыпав пол осколками.

Том и Эбигейл прикрыли глаза Лили, пока Майк тащил тяжелую фанеру, закрывая их в импровизированном убежище. Ветер вопил сквозь щели – мелодия разрушения, которая, казалось, искала путь внутрь. У Эбигейл побелели костяшки пальцев, когда она прижалась к дочери, плотно зажмурил глаза.

Затем звук изменился. Он стал более резким, сфокусированным, как скрип тысячи металлических когтей по меловой доске. Фанера затрещала, ударяясь об оконную раму, и Майк выругался, забивая последний гвоздь. Стены дома задрожали, половицы застонали под напором невидимого монстра снаружи.

Том почувствовал внезапный приступ паники, его сердце бешено заколотилось. Он знал, что торнадо могут быть опасны, но это... это было нечто совсем другое. Эбигейл встретила с ним взглядом, и он увидел, что в ее глазах отразился страх.

– Что это? – еле слышно проговорила она, слова едва пробивались сквозь шум.

Том лишь покачал головой, не в силах вымолвить ни слова. Торнадо изменился, стал более... плотным. Словно он проглотил саму структуру города и теперь извергал ее в виде вихря с зубчатыми краями. Стены неистово дрожали, полки шатко раскачивались, грозя обрушиться под напором урагана.

Внезапно наступила тишина, и в комнате стало жутко спокойно. Молоток Майка завис в воздухе, словно застыл во времени. Затем с ревом, который, казалось, исходил из самых глубин ада, торнадо обрушился на дом. Фанера на мгновение устояла, прогнувшись внутрь под давлением, а затем ее разорвало, словно бумагу. Налетевший ветер принес с собой бурю ржавых ножей и скрученных гвоздей, которые рассекали воздух, словно орда разъяренных пчел.

Том навалился всем телом на Эбигейл и Лили, защищая их от смертоносного дождя металла. Острые края ножей вонзились в его плоть, и он почувствовал, как по спине потекла теплая кровь. Он стиснул зубы, не позволяя себе закричать, пока ярость торнадо нарастала. Воздух наполнился запахом железа.

В Майка, все еще стоявшего на ногах, попал пролетевший гвоздь, который впился ему в щеку. Он вскрикнул от боли, но его голос затерялся в общей звуковой гамме. У Эбигейл широко раскрылись глаза, когда она наблюдала за разворачивающейся сценой, а в голове мета-

лись мысли о том, как защитить свою семью. Лили зарылась лицом в грудь матери, ее маленькое тело сотрясали рыдания.

Торнадо становился все более неистовым, ветер набирал скорость, ножи и гвозди вращались все быстрее. Стены магазина начали прогибаться, крыша зловеще застонала. Давление нарастало, и казалось, что они зажаты в металлическом барабане, по которому бьют кулаки великана. Том чувствовал, как его кровь смешивается с пылью на полу, а кожу жжет от сотни крошечных ранок.

Майк, пошатываясь, направился к лестнице, на его лице было написано отчаяние. Его рука потянулась к перилам, но было уже слишком поздно. Пасть торнадо расширилась, и мир снаружи превратился в сплошное месиво из металла и проволоки. Зубы торнадо обхватили Майка за талию и оторвали от земли. Глаза Майка выпучились от шока, а изо рта вырвался беззвучный крик: его неумолимо влекло в разинутую пасть чудовища.

Воздух огласила демоническая мелодия ужаса: звук рвущейся плоти и костей, запах крови и ржавчины. Тело Майка рассекли ржавые ножи, его кишки развевались на ветру, как багровое знамя. Его вопли растворились в грохоте окружающего хаоса, утонув под металлическим воем торнадо. Эбигейл в ужасе смотрела, как жизнь ее мужа отрывается от него кусок за куском.

Пасть торнадо разверзлась все шире, обнажая острые, как бритва, зубы, и, словно неутомимый хищник, поглощала Майка, утягивая его всё глубже в свою ненасытную бездну. Его глаза лопнули от давления, изо рта хлынула кровь. Его руки и ноги дико дрыгались, отчаянно пытаясь зацепиться за что –нибудь твердое, что могло бы спасти его от неумолимой пасти урагана. Торнадо, казалось, наслаждался моментом, играя с ним, как кошка с мышью, прежде чем наконец полностью затянуть его в себя.

Сотни гвоздей пронзили тело Майка, превратив его в человеческую подушку для игл, а его плоть – в жуткий холст для безумного искусства бури. Каждый гвоздь пробивал его насквозь с жутким хрустом, оставляя за собой кровавый след. Его кожа растягивалась и рвалась, исполняя капризный танец разрушения. Крики Эбигейл пронеслись по подвалу, наглядно выражая ужас, который разворачивался на ее глазах.

Том, онемев от шока и боли, смотрел, как на его глазах разрывают на части его старшего брата. Торнадо, неутомимое в своей жажде разрушения с каждым оборотом своей зазубренной пасти приближал Майка к ужасному концу. Пол вокруг них покрылся пятнами крови, а воздух наполнился ее медвяным ароматом. На лице Эбигейл застыла маска отчаяния, ее глаза не отрывались от искаженного лица мужа, даже когда когти впивались в него все сильнее.

Торнадо неистовствовало, ветер завывал, как хор банши. Ножи и гвозди в облаке воронки вращались все быстрее, превращаясь в смертоносное пятно. Они с высочайшей точностью рассекали магазин, пронзая все на своем пути. Стены прогнулись, крыша провалилась, похоронив их под каскадом деревянных щепок и металлических обломков. Крики Эбигейл, зовущей Майка, оборвались, когда нож пронзил ее шею, заставив замолчать навсегда. Лили смотрела на нее с маской ужаса на лице, ее маленькое тело дрожало над умирающей матерью.

Том ощущал холодные объятия вихря торнадо, а острые, словно когти, порывы ветра болезненно впивались в его кожу. Каждый из них был раскаленной иглой, пронзающей мышцы и кости. Его тело стало полотном для гнева урагана, гобеленом агонии, окрашенным в багровый цвет. Зубы торнадо сомкнулись над ним, и он понял, что конец близок. В голове пронеслись воспоминания о забавных моментах, дружбе и любви, но все они теперь были омрачены ужасом, разворачивающимся перед ним.

Вопли Лили становились все глуше, а пасть торнадо все шире. Том обхватил руками безжизненное тело Эбигейл, отчаянно пытаясь укрыть ее и Лили от неумолимого натиска. Сила была невообразимой, его мышцы напряглись от давления, стремящегося разорвать их

на части. Комната закружилась в красно – коричневой пелене: аппетит торнадо становился все сильнее, все требовательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.